

16+К 84(2Рос = Рус)6

Б19

Николай Бакалов

Ветрера е
интересным
человеком

16+

Выражаю сердечную благодарность
неравнодушным к литературе добрым людям
за бескорыстную помощь в издании
настоящей книги.

Да не иссякнет рука дарящего!

Автор

Александру Васильевичу
в помощь и в благодар-
ность за положительное
решение сродства
ФК в пос. Мемлюкши
от автора
14.11.11. Франко

Николай Бакалов

**ВСТРЕЧА
С ИНТЕРЕСНЫМ
ЧЕЛОВЕКОМ**

Государственная
библиотека
Югры

МП

пос. Малиновский
Советский район
2008 год

- 0156993 -

Поезд Москва-Волгоград был уже готов к отправлению, а в моем купе находился один я.

- Скучновато будет без попутчика - с грустью подумал я, глядя на перронную суету людей.

Вот уже вагоны покинули все провожающие и прозвучало объявление об отправлении поезда, как вдруг на перроне показался носильщик с тачкой, загруженной основательно чемоданами и баулами. Следом торопливой походкой шел важный седой господин в элегантном костюме. Буквально через минуту весь багаж оказался в моем купе. Шустрый крепкого телосложения носильщик быстро разложил по полкам вещи и, пожелав мне доброго пути, поспешил к выходу. Поезд уже тронулся, когда в мое купе, вытирая платком лоб, зашел сам хозяин поклажи тот самый седой господин.

- Будем знакомы - Иван Иванович,- представился он прямо с порога, протягивая мне загорелую руку. - Извините за опоздание. Только что с самолета. Багаж долго не выдавали...

- А я по Вашему виду определил, что Вы иностранец, – ответил я, пожимая крепкую руку моего попутчика.

- Да как Вам сказать, Вы почти угадали. Из Германии я прилетел, там я живу. А вообще у меня двойное гражданство, - непринужденно информировал меня Иван Иванович, выставляя на столик бутылки и пакеты с продуктами. - Скажу Вам честно, очень соскучился, по русской речи. Вот уж восемь месяцев как не был я в России. Поэтому извините, молодой человек, за словесный понос, я радешенек поговорить с любым россиянином.

Я сразу же проникся симпатией к своему спутнику. Пока он говорил, я внимательно за ним наблюдал. Ничем не насторожил меня этот человек. Простое открытое русское лицо, приветливая улыбка. Правда, немного смущал кинжально острый взгляд глубоко посаженных умных темных глаз, И еще меня мучил вопрос: сколько моему дорожному компаньону лет? Седая, как лунь, голова, не соответствовала его моложавому лицу, а веселые искорки глаз говорили о молодой душе. Его нельзя было назвать стариком - он свободно двигался по купе, легко переставлял свои нелегкие чемоданы. Иван Иванович был человеком среднего роста и средней полноты. Под его белой рубашкой чувствовалось еще крепкое телосложение, характерное для людей физического труда. Его бодрый голос был каким-то неестественно

Встреча с интересным человеком

высоким, похожим на женский, что тоже как-то не соответствовало внешним данным пожилого мужчины.

- Будьте любезны, присаживайтесь к столику, - вдруг обратился ко мне Иван Иванович, откупоривая бутылку какого-то заморского вина. - Да я ведь не услышал как Вас зовут, совсем заболтался старый дед ...

- Николай Яковлевич, Николаем зовите, я ведь значительно Вас моложе...

- Вот и прекрасно, Коля, выпьем за знакомство. Эх, как же я люблю, ездить в поездах по России. Пока едешь, чужие люди-пассажиры становятся как родные. Сколько интересных судеб встречаются в вагонах. Нет, российские просторы нельзя сравнить ни с какими европейскими. Там не успел познакомиться с попутчиком в поезде и уже надо выходить. Да и народ там как-то не расположен к общению, какой-то не контактный, замкнутый. Ты думаешь почему у русского человека широкая душа? Потому что он живет на широких просторах необъятной страны. Да, да, мил человек, масштабы Отчизны и ее детей взаимосвязаны. Ах, как правильно сказал Федор Иванович Тютчев о нашей матушке:

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить,
У ней особенная статья -
В Россию можно только верить.

Поистине меткие мудрые слова нашел поэт для своей Родины. Да ты закусывай, Николай, не стесняйся, - почти приказал мне мой собеседник, наливая еще в чайные стаканы замечательного вина. - Кстати, если не секрет, ты кто будешь по профессии?

- Да газетчик я, журналистами еще величают нашего брата. Еду в Волгоград с одной жалобой разобраться...

- Вот как! - обрадованно воскликнул Иван Иванович. - Как говорится, на ловца и зверь идет. А я вот в жизни многому научился, но писать не могу, видать это ремесло не для всякого. Тут нужен особый склад и души, и ума. Эта профессия дается людям от Бога. Можно быть плохим токарем, либо агрономом, но быть плохим журналистом нельзя, потому что он владеет самым сильным оружием, название которому слово. С помощью слова можно убить и воскресить человека. Со слова начинаются и кончаются войны. Слово творит и совершенствует человека. Поэтому на мастерах пера лежит особая ответствен-

ность перед людьми. Ну, ты извини, брат, что меня прорвало. За восемь месяцев мне так надоела немецкая речь. О, родной язык ... Ко всему можно привыкнуть, а без русского языка тоска, прости, пожалуйста, не могу наговориться. Так наверное умирающий от жажды странник в пустыне не может напиться воды из, вдруг найденного, источника. Так и я, Коля, уважь старика, ради Бога, и слушай, слушай... Я ведь почему обрадовался, когда узнал, что ты журналист? Очень хочется, чтобы кто-нибудь написал о моей жизни. Она ведь кончается. Ты не смотри, что я выгляжу молодо. Я родился аж в 1912 году. Просто душа у меня молодая, а от нее и внешний вид образуется.

- Итак, Николай Яковлевич! У нас имеется много вина, много всякой закуски и почти сутки времени в пути. Никому в жизни я не рассказывал о своей судьбе. Но вот недавно в сердце стало сильно покалывать. Это сигнал к завершению земных дел. Поэтому я и тороплюсь. Каждый должен оставлять свой мир, приведенным в порядок.

Тогда, говорят, легко умирать. Вот когда я буду знать, что о моей сложной жизни узнают люди, тогда вопросов к Богу не будет. Кем я жил на этой земле грешником или праведником - судить не мне. Я старался жить по совести. В герои никогда не рвался. Всякая жизнь заслуживает внимания. К несчастью, многие люди умирают из-за политики, которую ошибочно принимают за саму жизнь. Другие живут, по кем-то установленным правилам-стандартам и не могут найти свое счастье. Мое кредо – оставаться самим собой при любых обстоятельствах.

2

Наш поезд остановился на какой-то станции. На перроне было много народа. В основном это были продавцы всякой снеди. Но вот вдоль вагонов засновали торговцы стеклянными изделиями. Они настойчиво предлагали пассажирам купить всякие графины, фужеры, вазы, стаканы. Иван Иванович с удивлением смотрел на эту необычную торговлю - видать он отстал от российской жизни. Я пояснил ему, что в этом городке имеется стекольный завод, где работникам зарплату выдают произведенным товаром, который они реализуют кто как может, продал - значит как бы получил зарплату. То есть,- пояснил я,- у нас в России известная формула Маркса «деньги-товар-деньги» действует в укороченном виде «товар-деньги». Таков менталитет российского рынка ...

Но вот стекольный сервис появился прямо в нашем вагоне. Мо-

Встреча с интересным человеком

лодая красивая девушка, очаровательно улыбаясь, предложила нам купить у нее оригинальные рюмочки. Иван Иванович, не долго думая, протянул девушке несколько немецких марок со словами: «Я покупаю ваш товар». Девушка засияла от радости и, поблагодарив нас за покупку, убежала к выходу.

Поезд тронулся, оставив на перроне толпу неудачников. Может повезет с приходом следующего поезда ...

- Вот так мы и живем, Иван Иванович, вот так пожинаем плоды, так называемых, реформ.

- Знаю. Я ведь выписываю российские газеты, да и земляки пишут мне письма. Бедный народ. Он опять стал заложником нечистоплотной политики. Как могут называть себя демократами люди, которые в первую очередь, используя власть, позаботились о собственном кармане? И при этом лицемерно призывают общество к согласию. Но если сытый голодного не разумеет, будет ли разуметь голодный сытого. Приватизация в России пошла по криминальному руслу. В капитализм надо входить, а не прыгать. Российский капитализм по дикости не имеет себе равных даже в историческом плане. Не случайно политологи еще называют его пещерным. Гайдаровская команда все, наворованное у государства, назвала накопительским капиталом, который должен был пойти на развитие производства. Но никто из новых русских в реальную экономику так и не вложил ни рубля. Фантастически разбогатели дельцы от власти. Прекрасно понимая, что многие лакомые куски всероссийского пирога они получили несправедливым путем, так называемые демократы хотели бы вечно пребывать на вершине власти, но вряд ли у них что получится. Они забыли, или вернее не думали даже о народе, который загнан криминальными реформами в нищету. Кажется, политический маятник резко качнулся влево. И здесь несколько заслуг коммунистов, сколько вина демократов.

- О, Вы рассуждаете как истинный политолог, я тоже так думаю, - сказал я. - В истории страны таких разрушительных реформ никогда не было.

- За державу обидно - продолжил мою мысль Иван Иванович, - я так думаю, что объективно для кризиса причин не было. Первый тяжелый удар по экономике нанесен развалом СССР. Разрыв связей, нарушение единого экономического поля и так далее ... В России экономический кризис спровоцирован искусственно, путем установления непомерно тяжелых налогов, плюс поспешная бесконтрольная либе-

Николай Бакалов

рализация цен. Каждый постарался застолбить свое благополучие. Но больше всех подняли цены монополисты. Ну и что? Тарифы на железнодорожные грузоперевозки, на энергоносители подскочили в тысячи раз - ну какой же производитель может выдержать такую нагрузку? Создается впечатление, что государством до сих пор управляла некомпетентность и безответственность. Но мы отвлеклись, Коленька, на эту тему можно вести беседу часами, но у нас ведь лимит на время. Слушай же историю моей жизни. Начну сразу с войны. А ты записывай, если на память не надеешься. А твой-то батька где? - вдруг спросил меня собеседник, уставившись на меня своими рентгеновскими глазами.

- Погиб мой отец еще в начале войны под Москвой.

- Под Москвой? Я там тоже воевал. Как его фамилия?

- Баталов, сержант.

- Нет, не припомню такого. И нашел ты могилку своего папы? - допытывался Иван Иванович.

- Нашел. В Москве на Преображенском кладбище. Он умер от ран в госпитале, который находился недалеко от этого кладбища, - ответил я обстоятельно.

- Царствие ему небесное, - с неподдельной скорбью на лице сказал старый солдат. - Так вот, я хотел начать свой рассказ с битвы под Москвой.

3

Я был мобилизован в Красную Армию на второй день войны, как сейчас помню 23 июня жарким, солнечным днем. Родился и вырос я в деревне, недалеко от Царицына-Сталинграда-Волгограда. Только в России так вольно обращаются с названиями городов. В Сталинграде и формировалась наша стрелковая дивизия. Счастье наше, что нас сразу не отправили на фронт. Ведь наша армия в то время отступала. Могли ли мы необученные, необстрелянные новобранцы повлиять на ход военных событий? У нас был умный командир дивизии. Он нас готовил к войне по-суворовски. На учениях мы изматывались, но наш «Суворов»/так мы его называли с любовью/ часто повторял крылатую суворовскую фразу: «Тяжело в ученье - легко в бою».

В сентябре нашу обученную полнокровную дивизию перебрасывают под Москву. Враг уже подходил к столице. Там мы и приняли первое боевое крещение. Трижды оставляли свои оборонительные по-

6

Встреча с интересным человеком

зиции по приказу командования. А затем приехал к нам Жуков, лично сам побывал на передовой, поизучал ситуацию и твердо сказал: «Ни шагу назад, стоять насмерть!» Уже тогда у нас по окопам ходило крылатое выражение: «Велика Россия, а отступать некуда – позади Москва».

Конкретно для нашей дивизии задача сводилась к тому, чтобы не дать противнику прорвать нашу оборону. Лично я видел Жукова несколько раз в расположении нашей дивизии. Он тогда принял командование объединенным фронтом. Энергичный был мужик. Солдаты любили его и верили ему.

Где-то в середине ноября немецкие войска группы армий «Центр» перешли в новое наступление по всему Западному фронту. Но к этому времени, благодаря военному таланту генерала Жукова, оборона Москвы уже была хорошо организована. Мы защищали столицу с севера. До нее было рукой подать. Именно на нашу 28 Армию фельдмаршал фон Бок бросил огромные силы, рассчитывая с фланга прорвать нашу оборону и зайти в Москву с северо-запада.

Для немецкого генерала уж очень было соблазнительным это направление главного удара. До столицы оставалось 30-40 километров. Враг превосходил тогда нас и по живой силе, и по танкам, и по самолетам, и по артиллерии. Тяжелыми были эти кровопролитные бои. Каждый день атака за атакой. Авиация, танки, пехота ... Но мы выдюжили. К концу ноября напор немцев ослаб, явно они выдохлись. А 5 декабря мы по всему Западному фронту перешли в контрнаступление. Противник не ожидал от нас такой дерзости. И дрогнул, и начал отступать. А тут еще небывалые сорокаградусные морозы нам помогли. Немцы ведь рассчитывали квартировать в Москве зимой. Их обмундирование было легким. Словом, отбросили мы немца от Москвы в тех боях на 200-300 километров. Это была первая большая победа нашей армии. Как поднялся моральный дух всего советского народа, каждого солдата. Теперь каждый школьник знает, что той победой был развеян миф о непобедимости немецкой армии.

А под Волоколамском меня контузило. Брали мы одну деревушку, а точнее то, что от нее осталось. Одни печи стояли, все дома были сожжены. Причем, сожгли ту деревню, как и многие другие, наши еще при отступлении. Такая была разработана тактика. А ведь там жили наши люди, мало кто успел эвакуироваться. Население ютилось в землянках. Такая была сталинская установка: «Не дать врагу даже крова

для ночлега». А свой народ что... Лес рубят - щепки летят...

Так вот шли мы ротой на эту деревушку, как говорится, во весь рост. Разведка доложила, что там немцев нет. И вдруг из-под одной из закопченных печей ударил очередью по нам пулемет. Все упали на землю. Некоторые навсегда. Я прыгнул в старую воронку от снаряда и считал, что мне повезло больше других, все-таки пули не берут. Мои товарищи лежат в чистом поле, орудуют в снегу лопатками. А тут по нашему пятаку вдруг ударила вражеская артиллерия. Я зову своего товарища, который лежал неподалеку, чтобы он ко мне в воронку полз. Но оглушительный взрыв передо мной остановил мое время. Пришел в себя я через неделю в одном из московских госпиталей. Медсестра прочитала мне записку от товарища, которого я приглашал в свою воронку. Из нее я узнал, что тем взрывом меня засыпало землей, друг откопал меня без особой веры, что я буду жить.

Он и отправил меня в медсанбат, на всякий случай, вложив записку в карман моей гимнастерки.

Почти четыре месяца я провалялся на больничной койке. Голова была как колокол - звон и глухота, думал инвалидом останусь. Но доктора поставили на ноги, слух восстановился.

После госпиталя весной я направляюсь на Юго-Западный фронт, которым командовал маршал Тимошенко. Там мне было присвоено звание лейтенанта и назначили командиром роты. Мы готовились к сражению на харьковском направлении.

Как нам тогда объясняло командование, целью Харьковской операции был разгром харьковской группировки немецких войск. Сначала все шло хорошо. 12 мая войска Юго-Западного фронта перешли в наступление и, прорвав оборону противника, за три дня продвинулись вперед на 25 километров. Наша дивизия шла первой вслед за танками. Однако, наших сил явно было недостаточно, чтобы развить и дальше успешное наступление, хотя в распоряжении командования они были. Затянули с подтягиванием резервов. Это была роковая стратегическая ошибка нашего штаба. Командование фронтом с запозданием в пять дней только ввело в сражение вторые эшелоны армий, что позволило немцам перебросить в район прорыва подкрепление и организовать прочную оборону. Одновременно, группа немецко-фашистских армий «Юг», которой командовал генерал-фельдмаршал фон Бок, перешла в наступление. Как известно, после поражения под Москвой фон Бок был отстранен Гитлером от командования группы армий «Центр». Но,

Встреча с интересным человеком

видимо вспомнив, что за одного битого двух небитых дают, фюрер перевел фельдмаршала командовать группой армий «Юг», тем самым дав ему шанс реабилитировать себя после московского краха. С юга на наши фланги наступала армия генерала Клейста, с севера, известная по Сталинградской битве, 6-я армия Паулюса.

23 мая они соединились, замкнув кольцо окружения наших главных сил Юго-Западного фронта.

Наше командование предприняло отчаянную попытку вывести войска из окружения, но решение было запоздалым. С большими потерями прорвались лишь некоторые советские части. Короче говоря, наша армия была блокирована силами противника со всех сторон. Кольцо начало сжиматься. Последовали расчленяющие удары немецких войск. Мы ждали своей участи. Куда-то бежать было бесполезно. Все надеялись на чудо, что нас выручат советские части, находящиеся вне кольца. Боеприпасы заканчивались.

Наша дивизия окопалась в чистом поле. Мы даже не видели немецких солдат. Но стоило выглянуть из окопа, как тут же раздавалась с вражеской стороны пулеметная очередь. Все наши танки были уничтожены в первые же дни блокады. Методично по несколько раз в день немецкие самолеты забрасывали наше поле бомбами. Не успевали улетать самолеты, как начиналась артиллерийская обработка наших позиций. Трудно передать словами, какой мы переживали ад. Немцы явно мстили нам за Москву. Мы поняли, что они решили нас уничтожить с помощью техники, не теряя своих солдат. Да, фон Бок здесь взял реванш за поражение под Москвой. На этот раз он отличился перед Гитлером. Но не благодаря своему таланту. Только ленивый, либо совсем бездарный генерал, мог не воспользоваться в данном случае грубейшим стратегическим просчетом советского командования.

А между тем, операция по уничтожению нашей дивизии подходила к завершению. В моей роте осталось всего семь бойцов, кое-кто из них был легко ранен. Не знаю даже почему, но я заставлял их копать и копать окопы вглубь. При бомбежках я приказывал всем рассредоточиться. Видимо, мною управлял Инстинкт самосохранения. Человек в любой ситуации на что-то надеется. А мы были такие молодые, жить-то хотелось. Но гитлеровцы видимо решили не обременять себя пленными, и продолжали молотить наше поле всеми видами оружия.

К концу мая наша дивизия перестала существовать. Но на всякий случай на подчистку нашей позиции пошли немецкие автомат-

чики. Мы слышали их короткие автоматные очереди. Они добивали редких раненых красноармейцев.

Я смотрел из окопа на приближающихся немецких солдат с закатанными рукавами и мучительно принимал решение. Рядом со мной находились шесть парней - все, что осталось от моей роты. «Осталось семь я, семья»-подумал я. Мои бойцы тоже смотрели на проверяющих окопы немецких солдат, выложив на брусвер свои винтовки и гранаты. Никто из них не сомневался, что как только немцы подойдут ближе, я дам команду открыть по ним огонь.

- Умереть никогда не поздно, - думал я, - да я хоть тридцать лет прожил, немного видел жизнь, познал радость любви и семейного счастья. А что видели эти ребята, которым в среднем чуть больше двадцати лет от роду? Большинство из них даже с девушками не целовались. Страшно умирать, не изведав высшего наслаждения, данного нам природой ради продления жизни. Этот страх как бы приоритетный для молодого человека, все остальное вторично.

Я знал, что ребята мне верили и они выполнят любую мою команду, знал, что они приготовились к наихудшему варианту развития дальнейших событий. Время неумолимо приближало к нам немецких автоматчиков, а я не мог найти убедительный ответ на самый главный вопрос, который вдруг вырос передо мной на этом кровавом поле: «Почему мы должны умереть?» Как это примитивно просто умереть с криком «за Родину, за Сталина». Для этого достаточно сейчас открыть огонь по немцам. Ну, уничтожим мы несколько гитлеровцев, а через несколько минут по нашему окопу ударит вся артиллерия противника и наш прах смешается с землей и наше убежище станет безымянной могилой. Кто узнает о нашей геройской смерти? Не случайно же в народе говорят «Смерть красна на миру». Почему кто-то по глупости, по бездарности погубил на этом поле тысячи советских солдат и продолжает жить там далеко ради сталинской идеологии? Почему Родина будет более счастливой, если мы останемся навсегда на этом поле, пусть даже с несколькими немецкими солдатами?

Почему за безумство политиков-авантюристов эти парни должны отдавать самое дорогое - молодые жизни? Воинский долг? Но его можно выполнить не обязательно ценой своей жизни. К победе над врагом ведут тысячи путей. А разве после войны мы не будем нужны обескровленной Родине?

Эти мысли молниеносно пронеслись в моей голове. До нас уже

Встреча с интересным человеком

доносилась немецкая речь, автоматчики шли прямо на наш окоп. Над головой каркнула ворона. Я посмотрел вверх. Над полем клубился вороний грай. «Нет, ты не дождешься от нас добычи, хищная птица!», - со стоном подумал я. Безумно захотелось жить. Решение прозрело мгновенно. Надо сдаться в плен. Но как?

- Товарищи красноармейцы, подойдите ко мне, - скомандовал я. Солдаты окружили меня в расширенном отсеке окопа. Они смотрели на меня с надеждой и тревогой. Страх в их глазах не было.

- Солдаты! - обратился я к ним. - Перед нами стоит непростой выбор: либо погибнуть как все наши братья на этом поле и стать без вести пропавшими, либо попытаться остаться в живых. Как командир Советской Армии я должен выбрать первое, как человек, как гражданин СССР и планеты Земля я хочу, чтобы вы не были расклеваны вороньем на этом поле. Я предлагаю сдаться в плен. Я знаю, вы не трусы. Так не посчитайте же за труса своего командира. Если кто-то из вас посчитает мое решение за предательство, можете меня расстрелять на месте. Но я хочу, что бы вы жили. Вопрос еще в том: возьмут ли нас немцы в плен?

С этими словами я разорвал на себе нательную рубаху и нанизал ее на штык винтовки. У ребят покатались слезы из глаз. Никто из них не двинулся с места, Я заглянул в каждую пару глаз и повторил:

- Если вы меня считаете за предателя - стреляйте в своего командира, а потом воля ваша... И высунул из окопа свой флаг капитуляции.

Автоматчики были уже совсем рядом. Они не ожидали увидеть еще кого-то из живых красноармейцев. Послышалась команда: «Хальт!» А затем по-русски: - Иван, выходи!

- Откуда знает немец как меня зовут? - мелькнула у меня мысль, затем сообразил, что для немцев мы все Иваны, как для нас они фрицы. Я вылез из окопа, поднял руки. Рядом со мной встали мои солдаты. Сзади нас стоял наш обгорелый танк, а против нас в ожидании команды своего офицера застыла группа немецких автоматчиков. Их было человек десять. Немецкий офицер разрешил нам опустить руки. На нем был красивый с иголочки мундир и сам он был статным мужчиной. На выхоленном, чисто выбритом лице играла самодовольная улыбка.

Офицер прошелся вдоль нашего строя, заглядывая каждому в глаза.

- Ну, что, Иван, отвоевался. Сталин капут? – вдруг обратился он

Николай Бакалов

ко мне на чистом русском языке, пристально вглядываясь в мое лицо.

- Капут, капут, – ответил я безразлично.

- Гут, очень хорошо, - оживился офицер и отдал своим солдатам какую-то команду на немецком языке.

Те вскинули автоматы - раздались короткие очереди. Пули летели выше наших голов и щелкали сзади нас о броню танка.

Никто из нас не показал ни малейшего признака страха, внутренне мы были готовы к расстрелу. «Только бы быстрее все это кончилось», - думали мы.

Стрельба прекратилась и холеный фашист самодовольно рассмеялся, давая понять, что проверял нервы. Затем он пощупал у каждого из нас бицепсы. Все мы были хорошо накачаны, крепко сбитые, мускулистые. Офицер задумался, видимо решая какую-то задачу. Возникла напряженная пауза. Затем он отстегнул от пояса фляжку и поочередно стал угощать каждого из нас шнапсом, наливая его в поднятую гильзу небольшого снаряда.

- Выпейте за своих товарищей, которые остались спать на этом русском поле вечным сном и больше никогда не будут воевать с великой Германией.

Мы не почувствовали унижения в этой странной процедуре нашего врага. Все выпили. За такой тост нельзя не выпить, кто бы его не произнес. Затем наш «тамада» выпил сам остатки шнапса прямо из фляжки со словами:

- За победу! Хайль Гитлер!

Немецкие солдаты, выбросив руки вперед, дружно ответили:

- Хайль Гитлер!

Исполненный собственного достоинства, офицер обратился к нам с речью:

- Я - немецкий офицер Вермахта оценил ваш разумный поступок - добровольную сдачу в плен, полагаясь на милость победителя. Значит вы не большевистские фанатики, значит вы хотите жить. Я дарю вам жизнь. Я не хочу вас расстреливать, хотя нарушаю при этом инструкцию командования.

Отныне вы будете служить великой Германии унд арбайтен. И чем лучше вы будете работать, тем быстрее закончится война. Немцы умеют ценить хороших работников. После войны вы возвратитесь в свои семьи. В СССР я до войны учился в военной академии. Там изучил русский язык. Богатая ваша страна. Но без немецкого порядка

Встреча с интересным человеком

вы хорошо жить никогда не будете, а будете сопротивляться - вообще жить не будете.

«С чего бы так разоткровенничал этот сентиментальный фашист?» - подумал я.

Словно прочитав мои мысли, офицер подошел ко мне и спросил:

- Как тебя зовут?

- Иван.

- Это правда, Ваше имя Иван? Или потому, что в России все Ивановы? - хитро улыбаясь, переспросил он. - Вам 30 лет? Столько и мне. Вы лейтенант? - эти вопросы офицер задавал мне, листая мои документы, которые он вынул из нагрудного кармана моей гимнастерки. Удовлетворив свое любопытство, немец отдал мне мои бумаги со словами:

- Они вам больше не пригодятся. Вместо имен у вас теперь будут номера.

И вдруг он как будто о чем-то вспомнил, щелкнул каблуками и поднеся руку к козырьку, громко прокричал:

- Гауптман Иоган Шредер. Капитан по-вашему. Приятно было встретиться с вами на этом мертвом поле боя.

Затем капитан позвал к себе двух своих солдат и стал что-то долго им объяснять. На клочке бумаги он написал записку и отдал ее одному из солдат.

- Ауф видерзее! - попрощался с нами Иоган Шредер. - Эти солдаты доставят вас куда надо. Два солдата повели нас куда-то по окровавленному полю. В окопы страшно было заглядывать - они были завалены трупами наших солдат. В нос бил невыносимый тошнотворный запах разлагающихся останков. Мы вышли на дорогу. Навстречу сплошным потоком тянулись немецкие войска, они двигались на восток. Затем солдаты-конвоиры остановили какой-то порожний грузовик, посадили нас в него и мы долго ехали проселочными дорогами. Наконец, мы приехали на железнодорожную станцию. Здесь нам дали воды и хлеба.

Порожняка ждать пришлось недолго. Как только он пришел, нас погрузили в вагон-телятник, в котором уже ехало с десятков пленных красноармейцев. Кроме соломы и бочки с водой в вагоне больше ничего не было. Конвоиры разместились в соседнем вагоне. Там же находилась вся охрана поезда.

Вскоре состав тронулся и мы поехали на заход солнца, на за-

пад. В вагоне мы основательно все перезнакомились. Я лучше узнал биографию своих ребят. На фронте ведь некогда вникать в подробности каждой жизни. В основном деревенские были парни. Кто откуда. Один из них моим земляком оказался, другой из Воронежской области, остальные из Сибири. Кроме меня женатым оказался еще один сибиряк из Омской области, ему исполнилось двадцать пять лет. Остальные и девок ладом не шупали. Красноармейцы, что ехали в вагоне прежде нас, были взяты в плен тоже на Харьковском плацдарме. Они тоже чудом уцелели в мясорубке котла. Они рассказали, что немцы брали в плен только здоровых и сильных солдат. Остальных, и тем более, раненых, расстреливали. Солдаты рассказали, что при посадке в вагоны двое наших сбежали, и фашисты расстреляли за это каждого десятого прямо там на железнодорожной станции.

Везли нас долго с пересадкой на польской границе. Конвой каждый день бросал нам в вагон скудный сухой паек и хлеб-эрзац. Дней через двадцать мы приехали в город Кельн. Это на западе Германии на реке Рейн. Земля Северный Рейн Вестфалия называется. Здесь нас пересадили на грузовик и мы поехали через ухоженные плодородные поля еще дальше на запад. Наши попутчики остались в Кельне. Их куда-то увели охранники в сопровождении овчарок.

Под вечер мы приехали на огромную сельскохозяйственную ферму, представляющую собой множество длинных параллельных строений из кирпича, по всему своему виду напоминающие животноводческие помещения. Недалеко от этого комплекса находилась усадьба, включающая в себя большой двухэтажный красивый дом под красной черепицей и надворные постройки: небольшие домики, оранжеи, аккуратные сараи. А еще дальше виднелась небольшая деревня домов на тридцать.

Наши охранники завели нас во двор усадьбы. Навстречу нам вышла молодая и красивая фрау с доброй улыбкой. В стороне стояли по-видимому придворные люди, которые вышли поглазеть на врагов Рейха.

Наши конвоиры долго что-то объясняли хозяйке фермы. Они свое дело сделали и теперь могли возвращаться назад, если не возникнут непредвиденные обстоятельства. Такой по всей вероятности они получили приказ от своего офицера, который мог отправить нас сюда по заявке на рабочую силу.

Фрау подошла к нам с молодым человеком, который оказался

Встреча с интересным человеком

переводчиком. Чуть улыбаясь, она представилась Маргаритой. Затем пояснила, что является хозяйкой этой фермы, пока муж на фронте. Ферма производит продукты для армии: мясо, масло, сыры, овощи, хлеб. В тех длинных помещениях скот, в основном свиньи и крупный рогатый скот. Там же имеется перерабатывающий цех.

Переводчик бегло переводил информацию Маргариты. К своему удивлению я поймал себя на мысли, что кое-что понимаю и без переводчика. В школе, а затем в сельскохозяйственном институте мне неплохо давался немецкий язык.

- Отныне все прибывшие русские, - продолжала фермерша, - будут работать на нашей сельскохозяйственной ферме до конца войны. Охраны у вас не будет. Здесь некуда бежать. Да и как это у русских говорится: от добра добра не ищут. За хорошую работу вы будете иметь хорошее питание, одежду и довольно свободный режим жизни. Но при необходимости можно быстро вызвать полицию из города, если ваше поведение будет вредным, либо опасным для нашего дела, для Германии.

Маргарита повторила, что фермой управлять будет она, но при этом пожелала выбрать среди нас старшего, через которого она бы могла отдавать распоряжения. Мои товарищи показали глазами на меня.

- Гут, - сказала фрау и спросила как меня зовут.

- Иван, - представился я.

- Есть ли у Вас в России семья? – поинтересовалась Маргарита.

- Да, жена и трехлетний сынишка.

- Чем старательнее Вы будете работать на ферме, тем больше шансов будет у Вас вернуться после войны к вашей фрау, - хитро улыбнувшись, сказала очаровательная немка.

Узнав, что я сам бывший колхозник /то есть советский фермер/ и все мои товарищи деревенские из крестьян, Маргарита совсем повеселела и велела в нашу честь прямо во дворе накрыть стол. Появились закуски, которые нам и не снились. Нас угостили даже вином.

- Я не должна была этого делать, - призналась хозяйка - власти не одобряют любое милосердие к врагам Рейха, но мои люди не скажут, а солдаты завтра уезжают, им до этого дела нет, да они наверняка уже спят после угощения. А я так далека от политики. Для меня все люди одинаковы. Я не люблю только бездельников – переводил переводчик фразы фрау, почему-то только для меня. Добрая немка вдруг стала грустной и задумчивой. Оказывается, она не видела своего мужа

Николай Бакалов

уже около двух лет. По ее словам он храбрый офицер и может не задумываясь пойти под пули, но она не хочет остаться вдовой. В соседнюю деревню пришло уже несколько похоронок. Ее муж не хотел воевать.

Хозяйка выпила вина и продолжала:

- У нас нет детей, хотя я замужем уже четыре года.

Я чувствовал себя неловко от такой откровенности фермерши. Зачем она посвящает нас пленных советских солдат в свою семейную жизнь? Мне были чуждыми и непонятными ее неестественные симпатии к рабам Германии. После того ада, что мы пережили недавно на поле смерти под Харьковом, великодушные немецкой женщины никак не укладывалось в мое представление о немецкой нации. «А не играет ли она с нами в панибратство?» - размышлял я. «А может она мягко стелет...» «Простота хуже воровства», - вспомнил почему-то я русскую поговорку. «Что скажут о ней придворные?»

Я мучительно искал ответ на причину человеческого к нам отношения фермерши и не мог найти. В конце концов я остановился на двух предположениях: от скуки провинциальной однообразной жизни, либо от неверия в победу Германии. Впрочем, вскоре я засомневался и в этих постулатах.

Мои размышления вдруг прервала Маргарита прикосновением руки к моему плечу, словно мы с ней были знакомы давно. Она подняла на меня свои большие голубые глаза и без переводчика больше жеста и мимикой объяснила, что ее супруг такой же красивый и сильный как я. Поблагодарив за комплимент, я ответил, что у моей жены Анны тоже такие же голубые глаза.

Так состоялось наше знакомство. А затем Маргарита повела нас в домик, в котором мы должны жить. Он находился рядом с фермой. Внутри в домике было уютно, спальная комната, зал, кухня, туалет с ванной и душем - о таком комфорте можно было только мечтать. Все блистало чистотой.

Нам там выдали гражданскую одежду, мы вымылись, привели себя в порядок, побрились и не узнавали друг друга. Все помолодели. В глазах появился блеск. Живем значит. Спали на чистых простынях как убитые.

Рано утром в дверь постучали. Я вышел. У двери стояла Маргарита. Она еще вчера условилась со мной, что утром пойдем с ней осматривать хозяйство. По пути она посетовала на то, что власти требуют все больше и больше продуктов для Вермахта, а у ней работни-

Встреча с интересным человеком

ков не хватает, все ведь мужчины на войне. На сей раз с нами не было переводчика. Маргарита держала в руках разговорник со словарем. Кое-как мы объяснялись, помогая руками и мимикой. Мы обошли все коровники, затем свинарники. Сотни голов находилось в каждом животноводческом помещении.

Я понял, что легкого хлеба нам здесь не видать.

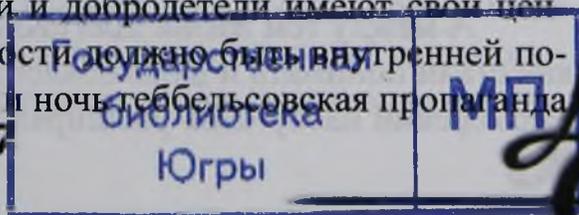
Затем мы зашли в офис Маргариты, там сидел ее переводчик. Он переводил для нас инструкции на каждое рабочее место. Мы уже все были закреплены за определенными участками фермы. Я отвечал за складирование и раздачу кормов.

На третий день мы приступили к исполнению своих обязанностей. Немецкие работники смотрели на нас изподлобья, да это и понятно - ведь мы для них были врагами. Но прошло некоторое время и бауэры стали относиться к нам по-другому, зауважали, они нас. Для нас крестьянский труд был привычным делом. Все мои ребята были хваткие, исполнительные и аккуратные. Дело спорилось и немцы почувствовали облегчение в работе.

Мы старались как можно меньше общаться с придворными людьми и кадровыми работниками фермы. Но люди есть люди. И разъединенные политиками, они тянутся друг к другу, несмотря на различие языка и культуры, несмотря на войну, несмотря на то, что некоторые работницы уже потеряли своих мужей на фронте. Немцы прежде всего ценят в людях трудолюбие, умение работать, аккуратность. Мы старались добросовестно относиться к делу.

О саботаже и не думали. Ну, не оружие ведь производим, а пищу, хотя по большому счету хлеб тоже оружие. Но ведь хлеб кушает не только армия, но и вся страна, и все военнопленные, находящиеся на ее территории, вся привлеченная рабочая сила из других стран. Так я пытался в рассуждениях найти свою точку опоры в праведности своих поступков. Где она истина на тропе войны? Как не крути, она привязана к жизни, к чувству самосохранения. Я пытался определить наш статус. Если мы военнопленные, то почему ведем почти свободный образ жизни? Нас не бьют, не унижают. Несомненно, что нам повезло. Наша хозяйка оказалась чересчур доброй женщиной.

От ее доброты становятся добрее и все окружающие ее люди. В тоталитарном обществе и пороки и добродетели имеют свой нейтралитет, хотя проявление человечности должно быть внутренней потребностью человека. Но ведь день и ночь тебебельсовская пропаганда

оболванивала народ по принципу: чем неправдоподобнее ложь, тем чаще она повторяется, или ложь, повторенная несколько раз, кажется правдой. И эта идеология оболванивания людей давала свои плоды. Но чем крестьянин любой страны отличается от городского жителя? Он работает с утра до ночи. Ему некогда заниматься политикой, читать газеты, слушать радио. Труд и является его иммунитетом против оболванивания. Поэтому крестьянин более чист сердцем, в нем сохраняются добрые человеческие качества. Это сейчас фермеры научились бастовать.

Загонят несколько тысяч коров в город и требуют от властей всяких льгот. Конечно же это действует... Особенно, когда льгота меньше стоимости уборки с городских улиц навоза.

Да, но я, прости, пожалуйста, отклонился от рассказа. На чем я остановился? Ага, на статусе. Я считал себя ответственным за жизнь и дальнейшие поступки всех нас. Собственно, я в плену оставался командиром роты. Я искал линию своего поведения, не поддаваясь сталинской прямолинейности и однозначности.

Я всегда помнил библейскую заповедь: «Не сотвори себе кумира». Хотя Сталин был кумиром для большинства граждан СССР. Красная идеология вознесла его выше Бога. Солдаты шли в атаку со словами: «За Родину, за Сталина». Но вожди приходят и уходят, а Родина остается. Вот за нее и болела душа, перед ней и приходилось постоянно сверять внутренние приборы долга и ответственности... Я не чувствовал своей вины в том, что остался жив сам и спас товарищей. Мы живем, а значит имеем шанс быть полезными стране, своим родным и близким. Как это сделать? Этот вопрос и волновал меня, как вольного пленника.

Прошло два месяца со дня нашего приезда на западный край Германии. Мы основательно освоились и перезнакомились с немецкими работниками. Для них мы уже не были безликими «руссами» как в первые дни, нас называли по именам, с нами здоровались, и даже иногда шутили. Правда, разговоры были только по делу.

Я старался как можно реже показываться на глаза фермерши, меня настораживала ее загадочная улыбка, с которой она всегда меня приветствовала.

А между тем жизнь шла своим чередом, мы и сами не заметили, как стали понимать и даже объясняться по-немецки. Постепенно наш фермерский набор слов расширялся. У нас в домике был свой радио-

Встреча с интересным человеком

приемник. Все свободное от работы время мы его слушали. Мы уже начинали понимать кое-что из сводок немецкого командования. Кроме того, мне Маргарита подарила свой русско-немецкий словарь и разговорник. При очередной встрече она только удивлялась моим успехам в овладении ее родным языком. У меня была хорошая память. Я на слух запоминал целые фразы и обороты речи. Я мог уже без переводчика объясняться с фрау не только по производственным вопросам. Однако единственным источником информации о войне был наш радиоприемник.

Вести с фронтов были неутешительными, гитлеровцы успешно развивали наступление на южном направлении. Они овладели Северным Кавказом и неудержимо рвались к Сталинграду. Конечно же, много было в радиосообщениях помпезности и хвастовства, но успех немецких войск в летней кампании 1942 года был несомненным. Затем мы стали ловить радиостанции, вещающие на русском языке и их данные совпадали с немецкой информацией.

В сентябре и октябре шли ожесточенные бои за Сталинград. Мы узнали также из сводок, что город штурмовала 6-я Армия под командованием генерала Паулюса. Это его солдаты под Харьковом в мае уничтожили нашу дивизию и взяли нас в плен.

Однажды, когда я на сеновале укладывал тюки сена, рядом со мной вдруг появилась фермерша. Она была в красивом платье и вся благоухала.

- Хватит работать, Иван, садись, я тебе что-то скажу, - обратилась ко мне Маргарита, и потянула меня за руку к себе. Мы сели рядом на тюк сена.

Я не мог отвести от нее глаз - настолько она была очаровательной. «Что она может хорошего сообщить?» - подумал я.

- Иван! Скоро войне конец. Скоро ты увидишь свою фрау. Армия Паулюса ведет бои за город Сталинград. Советские войска прижаты к Волге. Со дня на день Сталинград падет. Скорей бы кончалась эта проклятая война. Скажи, Иван, ты приедешь в гости ко мне со своей фрау после войны? Ее зовут Анна, говоришь? Хорошее имя. Если бы у меня родилась дочка, я бы назвала ее этим именем. Анна...

С этими словами Маргарита крепко обняла меня за шею и повалила назад на сено. Я отстранялся как мог, но она продолжала меня «атаковать», смеясь и целуя мою небритую щеку. От робости я оторопел и подумал, что так фермерша выражает свою радость по случаю

Николай Бакалов

скорой вероятной победы немецких войск под Сталинградом. Но... оказалось, Маргарита хотела меня.

- Иван, сегодня я добрая, возьми меня, давай отпразднуем победу. Ведь война кончится и приедет мой муж. Больше такого случая не будет, Иван. Выбрось политику из головы. Неважно кто кого победит. После войны наступает мир и люди забывают, кто победил. Не будь упрямым. Не обижай свою хозяйку. Нам надо расслабиться. Ты мне сразу понравился. А когда увидела какой ты работающий и хозяйственный мужчина, я совсем голову потеряла. Я стала забывать своего мужа. Я совсем себя чувствую слабой женщиной, и у нас почему-то нет детей. А я так хочу иметь Анну, - горячо шептала мне на ухо Маргарита.

Барахтаясь и целуясь с ней в сене, я страшно боялся переступить ту грань, которая незримо разделяла нас на враждующие стороны. Я всегда видел за ее спиной Гитлера. За моей спиной стояла Анна. Они и определяли в те минуты мое поведение по отношению к женщине, которая мне тоже очень нравилась, и, которую трудно не полюбить любому нормальному мужчине.

Обессиленная, раскинув руки на сене, она ждала меня. Я лежал на ней и смотрел ей в глаза, борясь сам с собой. Это было ужасное испытание и насилие над природой, над самым сильным инстинктом продолжения жизни. Вся натура физически крепкого мужчины тридцати лет требовала: «Бери», но холодный рассудок отгонял эту мысль. И вот он уже находит сильный аргумент против половой связи. Ведь победа немцев под Сталинградом - это праздник богатой фермерши фашистской Германии, и почему я должен отмечать его таким способом по прихоти хозяйки? Кроме того, дома меня ждет жена. Я вдруг вспомнил окопы, переполненные трупами наших воинов на том поле и резко вскочил на ноги.

Маргарита заплакала. Она рыдала как беспомощный ребенок, у которого отобрали любимую игрушку. Затем встала, одернула платье и сказала:

- Как это глупо, Иван. Ведь мы-то с тобой не враги. Что тебя остановило на пути к счастью? Ты оказывается жадный человек, ты не хочешь дать даже щепотку счастья женщине, которая устала от всех этих дел, от войны, и, которая любит тебя, с этими словами она понуро ушла от моего рабочего места. Мне было не по себе.

Моя душа рвалась на части, но я был горд за одержанную победу

Встреча с интересным человеком

над собой. Вечером в домике я собрал ребят и провел с ними политинформацию. Я им сказал то, что давно вынашивал в голове:

- Наши войска ведут кровопролитные бои за Сталинград. Это последняя наша надежда. Там воюет лучшая 6-я Армия Паулюса. Вы видели, что она сделала с нашей дивизией. В то время, когда на берегах Волги погибают наши воины, мы здесь живем как закормленные сытые коты. Чем мы можем помочь нашей армии? Я предлагаю бежать. Куда? Надо думать. Рядом Бельгия, Нидерланды, а за ними Франция. На восток пробираться бесполезно, слишком далеко до нашей страны, а тем более до линии фронта. Нас схватят и в лучшем случае бросят в концлагерь. Только вступив в отряды сопротивления Нидерландов или Франции /эти страны тоже оккупированы/ мы сможем быть полезными и нашей стране. А там должны же наконец наши союзники открыть второй фронт.

Так все и согласилось с моим планом. Начали готовиться к побегу. Каждому была поставлена своя задача. Запастись продуктами не составляло труда. Одежду приличную тоже можно было достать. О приобретении документов не могло быть и речи. Решили идти скрытно без документов. Предстояло произвести рекогностировку местности, а главное - узнать через местное население безопасные коридоры через границу.

4

А между тем, судя по радиопередачам, немецкие войска никак не могут взять Сталинград, хотя по заверениям Гитлера у защитников города осталась узкая полоска обороны по берегу Волги и до победы над ними остались считанные дни, если не часы. Фашистская пропаганда захлебывалась от восторга, предвкушая скорый полный разгром советских войск. Но шли дни, недели и вот уже проходит ноябрь, а сводки с фронта по-прежнему оптимистические, правда они стали более куцыми: «Русские прижаты к Волге», «Армия Паулюса ждет боеприпасов». Чувствовалось, что фашистская машина забуксовала на Волге основательно.

У нас был почти свободный распорядок нерабочего времени. Наша фермерша разрешала нам ходить даже по окрестным местам. Пользуясь этой возможностью, мы сделали рекогностировку местности значительно дальше к западной границе. Мои ребята заходили в соседнюю деревню в гости к местным девушкам, хотя это было строго запрещено. Но молодость...

Побег решили совершить на Рождество, когда все отмечают этот праздник. И тут случилось непредвиденное. Из комендатуры города приехали два полицейских, которые установили за нами круглосуточный надзор. Вольница кончилась. Нам было строго запрещено отлучаться куда бы то ни было из фермы.

- Как это понять? - спросил я у Маргариты.

- Чем я вам не угодила, почему вы собрались бежать из моей фермы? - в упор спросила она у меня.

Я ничего не ответил и, подозревая ребят в предательстве, поспешил в домик. Все были в сборе.

- Кто проболтался? - резко спросил я у парней.

- Я, - не выдержав моего взгляда признался рядовой из Омской области. По его щекам потекли слезы. «Простите»...

И он чистосердечно рассказал, что влюбился в одну молоденькую немку из деревни и по дурасти, чтобы быстрее ее «уломать», намекнул, что мы скоро покинем ферму. Все понятно. Та девушка сказала фермерше.

Короче, мы получили то, что получили. Строгий режим, ограничение в свободе передвижения, контроль, за каждым нашим шагом. Нас предупредили, что любое нарушение режима может привести к концлагерю.

Побег откладывался. Наступил 1943 год. Слушаем по ночам радио. На Волге продолжаются ожесточенные бои. Сталинград стоит. Значит, там наши создали надежную оборону. Значит, врагам его не взять.

Но вот в начале февраля ко мне на сеновал опять приходит Маргарита. Она чем-то опечалена, на глазах слезы. Оказывается армия Паулюса в Сталинграде капитулировала и Гитлер объявил национальный траур. Советские войска окружили 33 немецких дивизии, которые перестали существовать. Это катастрофа для Германии.

Маргарита внимательно посмотрела мне в глаза и продолжала:

- Иван, я прошлый раз тебе не сказала, что мой муж воевал в 6-й Армии Паулюса. Теперь этой армии нет. Значит, мой муж либо погиб, либо в плену. Скорее всего, он погиб. Он был слишком прямолинейным и преданным долгу.

От таких вестей я взлетел от счастья на седьмое небо. Хотелось закричать «ура». Я не знал как выразить свое чувство восторга, радости, гордости за нашу армию, за ее грандиозную победу. По ще-

Встреча с интересным человеком

кам Маргариты катились слезы. Она стояла передо мной кроткой и беспомощной. Все получилось почти автоматически. Я бесцеремонно схватил ее в охапку и бросил на сено.

- Вот теперь мы отпразднуем Сталинградскую победу! - с этими словами я прыгнул на нее как зверь. Маргарита не сопротивлялась. Время для нас остановилось. Мы долго не могли удовлетворить наш физиологический голод. Признаюсь, такого блаженства я не испытывал в жизни даже со своей женой. Это загадка для психологов. Неумимой в любви оказалась и моя партнерша. Сказать, что природа свое взяла, было бы не совсем точно. Я понял, что полюбил Маргариту. Наши вожди мне больше не мешали. Я лежал рядом со своей любовницей усталый и счастливый. Думать ни о чем не хотелось. Что произошло, то произошло... Когда Маргарита уходила с сеновала, она призналась, что на коленях выпросила в комендатуре полицейских, боясь, что я от нее сбегу.

Что касается информации о готовящемся побеге, то она действительно получила ее от девушки из деревни.

Откровенность Маргариты побудила меня задать ей один очень важный для меня вопрос, который не выходил из ума с тех пор, как мы оказались здесь на ферме:

- Почему мы прямо с фронта попали на работу, в Вестфалию на Рейне, то есть по-нашему - к черту на кулички?

- А потому, - ответила моя фермерша, - что вам повезло. Вы попали в плен к другу моего мужа капитану Шредеру, который знал, как не хватает в нашем хозяйстве рабочих рук. Он и обеспечил сопровождение пленных. Я ему бесконечно благодарна за такой подарок.

Придя в домик, я сообщил радостную весть ребятам. «Они во все горло гаркнули «Ура».

- Надо бы отметить, - сказал кто-то из них.

Я побежал к Маргарите за вином. Она стояла в спальне перед зеркалом полуобнаженная и расчесывала волосы, готовясь ко сну. Я не мог оторвать глаза от обворожительной женской красоты. Задумчивая, и слегка печальная, она была как никогда желанной. Я тихо приблизился к ней, чем испугал ее не на шутку. Узнав о цели моего визита, Маргарита быстро приготовила нам полную корзину, вина и всякой закуски.

- Пейте за вашу победу, - сказала она. - Наверное лучшая победа та, которая приносит счастье. Вот ваша сталинградская победа сдела-

Николай Бакалов

ла меня сегодня счастливой...

Я схватил корзину.

- Куда же ты, Иван? – требовательно остановила меня Маргарита и увлекла в свою роскошную кровать.

- Так ведь ребята ждут...

- Ничего, пусть подождут, я вам завтра даю всем выходной день, только не проболтайте никому.

В постеле я впервые увидел прекрасное тело Маргариты в полной его наготе. Она могла смело соперничать с «купающейся Дианой». Своими любовными фантазиями она меня просто конфузила.

- А твоя Анна не такая? - спрашивала она меня.

- Нет не такая.

- Вот, будешь меня помнить в России.

Словом, принес я вино ребятам, когда они уже спали. Ничего, разбудил и целые сутки пировали. Полицейские нас не трогали. После Сталинградской битвы они стали относиться мягче и даже с некоторым заискиванием перед нами. Видимо, такой поворот военных действий наводил их на грустные мысли. Зачем создавать себе лишние проблемы?

5

После того, что произошло в наших отношениях с Маргаритой, мои ребята почувствовали существенное улучшение в питании. На столе стало появляться иногда даже вино. Со мной же наша хозяйка стала вести так, словно похоронила уже своего мужа. Она не стеснялась своих дворовых людей оказывать мне откровенные знаки внимания. На ночь она все чаще стала приглашать меня в свою спальню. Да что говорить, ее тянуло ко мне, а меня к ней. Я понимал, что поступаю аморально по отношению к своей семье, но ничего сделать со своей страстью не мог. Фотографию моей жены с сынишкой Колей я уже не мог вынимать из своего бумажника. Мне стыдно было на них смотреть. Словно прочитав мои мысли, моя фрау как-то сказала:

- Бог нас простит, Иван. Мы нашли то, что отобрала у нас война. Наступит мир и все расставит по своим местам. Если наша любовь настоящая, она продлится и после войны, если это только половая страсть - Анна тебя поймет и простит. Иван, я хочу, чтобы всем было хорошо. Я хочу, чтобы и твои молодые солдаты нашли свое счастье на немецкой земле...

Встреча с интересным человеком

- Святая простота, - думал я о Маргарите - муж возможно погиб от советской пули, а она любит своих врагов.

Чтобы потеснее сблизить немцев фермы и русских, Маргарита стала частенько устраивать в своей усадьбе различные концерты, танцы, праздничные гулянья. Все ребята уже свободно владели немецким языком, словно родились в Германии. Почти у каждого из них в деревне была подруга. Наша фрау делала все, чтобы мы выбросили из головы самую мысль о побеге. Мы опять почувствовали себя сытыми ленивыми котами. Война была где-то далеко. Можно было спокойно ожидать открытия второго фронта. Без Маргариты я уже не мыслил жизни. Любовь к ней парализовала мою волю. Ее плен был крепче военного. И все же я старался переломить себя. «Командир ты или тряпка?» - говорил я сам себе и вновь стал думать о побеге. Я потихоньку стал убеждать Маргариту, что полицейские больше не нужны здесь. Она недоверчиво смотрела на меня и спрашивала:

- Что, теперь их заменит наша любовь?

Но от наших охранников она не торопилась избавляться под всякими предложениями.

Но вот словно гром среди ясного неба - неожиданно приезжает живой и невредимый муж Маргариты. В отпуск на недельку. Маргарита была в шоке и дня три не показывалась из дому. Мы его увидели, когда он в сопровождении нескольких работников фермы и полицейских осматривал свое хозяйство. Ближе он к нам не подходил, да и мы старались держаться подальше от офицера.

Это было в конце апреля сорок третьего года. Стояли теплые весенние деньки. Кругом зеленели поля и пастбища, цвели цветы. Это была весна большой надежды. После Сталинградской битвы наши войска повсеместно успешно наступали. Теперь уж было ясно, что Германию ждет поражение. Вот только как долго будут сопротивляться немецкие войска нашим армиям? Это вопрос был непростой. Все зависело не только от храбрости советского солдата, но и от действий союзных армий. О положении дел на фронтах мы слушали каждую ночь по радиоприемнику, настраивая его на волны радиостанций антигитлеровской коалиции. Многие из них глушились, но голос правды пробивался через всевозможные радиопомехи в эфире и доходил до наших ушей.

Что было примечательно? Ненавидя фашизм и его кровавую военную машину, мы совсем не чувствовали вражды к населению Герма-

нии. Большинство немцев уже поняло в какую авантюру втянул Гитлер их страну, как обманул и оболванил он людей. Это было видно и по местному населению, которое относилось к нам в основном благожелательно. Исключение составляло лишь вдовы, мужа которых погибли на фронте. При встрече с нами они хмурились и отворачивались от нас.

Меня волновал вопрос: если Маргарита так хорошо относится к русским военнопленным, то какой по характеру ее муж? Наверное, и он добрый. Ведь не случайно у нас говорят: муж и жена - одна сатана. Узнать бы, что он за человек. «А впрочем, лучше его не знать, и слава Богу, что он завтра уезжает. Раз все так тихо обошлось, значит он ничего не узнал о наших отношениях с Маргаритой», - подумал я накануне его отъезда.

И тут словно кто-то подслушал мои мысли – в дверь нашего домика постучали. Я открыл. Передо мной стояли оба полицейские. Один из них объявил:

- Господин капитан приказал привести к нему в дом всех русских военнопленных на прощальный ужин. Он ведь завтра уезжает на фронт. Поприличнее оденьтесь. На сборы десять минут.

Мы быстро привели себя в порядок, одели лучшую свою одежду и в сопровождении наших стражей пошли в фермерский дом. Проходим в гостиную и глазам своим не верим. Длинный праздничный стол ломился от яств. Горели свечи, что придавало интерьеру особую торжественность. Чуть в стороне от стола в полумраке стояли печальная Маргарита, ее муж офицер в парадной форме и какие-то незнакомые люди в штатском. На другой стороне зала суетились работники фермы и дворовые люди.

Увидев нас, офицер быстро пошел мне навстречу и протянул руку, любезно улыбаясь.

- Ну, здравствуй, Иван! Вот и встретились. Что, не узнаешь? - обратился он ко мне на чисто русском языке. Офицер был явно под хмельком.

Я нерешительно протянул ему руку - поздоровались.

- Ах, Иван, Иван! Какая, у тебя короткая память, а я ведь жизнь тебе спас, - с этими словами офицер включил в зале свет. Я внимательно всмотрелся в лицо знакомого мне человека. «Неужели это тот самый офицер, который взял нас в плен?»

- Иоганн?

Встреча с интересным человеком

- Шредер. Ваш покорный слуга. Не ожидал встретиться?
- Но мне сказали, что приехал в отпуск супруг фрау Маргариты.
- А я и есть муж фрау Маргариты. Да Вы садитесь за стол, мы еще поговорим.

Я ничего не понимал. Голова пошла кругом. Ведь сама Маргарита мне говорила, что Шредер друг ее мужа.

Мы сели с ребятами на отдельно стоявшие у стола семь стульев. Капитан поставил рядом со мной еще два стула и позвал Маргариту. Она подошла очень грустная. Супруги сели. Потянулась неловкая пауза. Чтобы как-то прервать ее, я обратился к офицеру:

- Господин капитан, но ведь 6-й Армии Паулюса нет...

- Логично, - засмеялся офицер, - Армии Паулюса нет – значит нет и меня. Ведь я воевал в этой армии, а она капитулировала в Сталинграде вместе со своим фельдмаршалом. А я есть, я перед вами. Хотите знать, почему?

После разгрома ваших войск в Харьковской операции мы шли до Дона как на прогулке, не встречая особого сопротивления со стороны Красной Армии. На Дону ваши генералы организовали крепкую оборону. Форсировать с ходу эту реку не удалось. При очередной попытке моей части переправиться на левый берег рядом со мной разорвался снаряд. Меня засыпало землей. Солдаты меня откопали и отправили в госпиталь. Я был без сознания. Это случилось в августе 1942 года. Только через месяц я пришел в себя. Три месяца я лежал парализованным в Киеве в одном из госпиталей. Затем, когда встал на ноги, долечивался в клинике Берлина. Был глухой и голова звенела словно колокол. Но слава Богу, слух восстановился, но в голове еще звенит колокольчик. Нет, он зовет не на отдых. Он требует помочь великой Германии в ее тяжелый час. Мы уже остановили ваши войска, которым зимой помогает генерал Мороз. В эту летнюю кампанию солдаты Вермахта нанесут сокрушительное поражение Красной Армии. У нас есть неуязвимые танки «Тигры» и «Пантеры», наши самолеты господствуют в воздухе, у нас непревзойденная артиллерия и, наконец, немецкая армия располагает опытными бесстрашными солдатами и офицерами. Мы сломаем шею Сталину.

С этими словами Иоган налил себе, Маргарите и нам вина по полному бокалу.

- Уважая достоинство пленных солдат, я не хочу навязывать вам свою волю, не хочу принуждать вас пить за победу, потому что знаю

Николай Бакалов

вы будете пить за свою победу. Как говорят русские «сколько волка не корми, он в лес смотрит»... Я предлагаю тост: за встречу на прекрасной германской земле.

Мы все дружно выпили. Вино было крепким. У Иогана совсем развязался язык. Он стал хвалить нас за хорошую работу, ему рассказали о нашем прилежном труде, и он обещал отблагодарить нас за это.

- Я знаю, – вдруг сказал капитан, - меня жена давно похоронила. И это естественно, ведь от меня несколько месяцев не было никаких вестей. После ранения физически не мог писать, а в Берлине решил готовить сюрприз в виде внезапного появления с того света. Эффект достигнут – самодовольно захохотал офицер.

На столе появилась русская водка и капитан сам разлил нам по полному фужеру этого родного напитка.

- Фашист ведь, а такой хлебосольный, – подумал я, - к чему бы это?

Маргарита водку не пила. Она сидела бледная и напряженная. Ребята с аппетитом уплетали деликатесы. Мне тоже захотелось сказать свой тост.

- Господин Капитан! Мы с Вами квиты. Вы контужены нашим снарядом, я точно такую же контузию получил под Москвой от разрыва, вашего снаряда. Давайте выпьем за счастливый случай, который помог и мне и Вам остаться живыми.

Капитан поднял с серьезным видом бокал и сказал:

- Я пью за мой счастливый случай, а ты как хочешь. Кстати, за столом у нас нет чинов. Я в отпуске. Называйте меня лучше Иоганом.

Затем он посмотрел на Маргариту, затем перевел взгляд на меня, спросил, глядя в упор в мои глаза:

- Скажи, Иван, тебе нравится моя жена?

Я поперхнулся...

- Неужели он знает о нашем романе? - подумал я.

Иоган ждал ответа. Усилием воли я взял себя в руки и ответил с достоинством:

- Фрау Маргарита красивая и умная женщина. Она хорошая хозяйка. Ее все на ферме любят. Даже животные, о которых она постоянно заботится...

- Животным можно простить и ненависть, но что делать с людьми, когда они становятся, животными? - задумчиво и мрачно тихо пробормотал Иоганн. Я уловил в его словах недобрый намек, но виду не

Встреча с интересным человеком

подавал. За столом все притихли. Офицер обвел гостей мутным пьяным взглядом и вдруг лихо вскинул голову и неожиданно запел:

- Что вы, братцы, приуныли... - и энергичными жестами потребовал от нас поддержки.

Кто не знает на Руси эту старинную песню про Стеньку Разина? Мы дружно подхватили песню в таком невыразимо приподнятом состоянии, как будто находились не в Германии, а в России. Когда мы запели слова: «И могучею рукою обнял персиянки стан...», Иоган крепко обнял за талию Маргариту и резко приподнял ее. Та вскрикнула. Он опустил ее опять на стул, перестал петь и, уронив голову на стол, заплакал навзрыд. Плечи его содрогались. Маргарита даже не попыталась его утешить. Опять возникла неловкая пауза. Все подумали, что неохота человеку уезжать на фронт, вот и плачет. Но я подозревал другую причину. Видимо, он нашел свою жену слишком холодной.

«Неужели я в этом виноват?» - подумал я.

А между тем в зале заиграла музыка. Все шло по разработанной кем-то программе. Выступил небольшой хор из местных девушек. Затем начались танцы. Иоганн оживился. Он стал танцевать с девушками и пригласил нас принять участие в танцах. Очевидно, он надеялся, что я приглашу на танец его жену. Иоганн хотел видеть нас вместе с Маргаритой ради познания наших отношений, - это было ясно. Я разгадал хитрую ревность арийца и шепнул на ухо своему парню, чтобы тот пригласил Маргариту на танец. Тот так и сделал. Иоганн остался недоволен. Веселье продолжалось до полуночи. Затем капитан ударил в ладоши и музыканты положили свои инструменты в футляры. Хозяин пригласил всех гостей вновь сесть за стол. Мы заняли свои места, капитан встал и произнес короткую речь на немецком и русском языке. Смысл ее сводился к предложению выпить, как принято у русских «на посошок». Официант принес нам какого-то вина в фужерах, мы выпили. Иоганн пожелал нам доброй ночи. Он был сильно пьян. Изрядно захмелевшие, мы в сопровождении полицейских возвратились в свой домик. Сильно хотелось спать. Едва добравшись до кроватей, мы упали на них как мертвые.

На следующий день я просыпаюсь от тупой боли в паху. Ничего не могу понять. Перед глазами все плывет, голова тяжелая. Рука машинально потянулась к тому месту, что болело. И.., о, ужас! Я не нахожу в мошонке яичек. Я все сразу понял и завыл зверем от безысходности. С криками начали просыпаться и ребята. Мы все лежали голые на

Николай Бакалов

чистых простынях. Ну, короче, нас кастрировали.

Для любого мужчины лишение его мужского достоинства трагедия, но быть оскопленным в 20-30 лет - это такое мужское горе, которое невозможно выразить никакими словами, невозможно объяснить. Мир становится черно-белым, теряется всякий смысл жизни, ты становишься почти животным. Всех нас охватило такое отчаяние, что впору лезть в петлю. Некоторые ребята в первые часы только об этом и думали. Других, в том числе и меня, охватила жажда мести. Ситуацию разрядил наш фермерский ветеринар. Он зашел к нам один в белоснежном халате и сказал, что хочет нас осмотреть. Ветврач обратился к нам с грустной ноткой в голосе:

- Не обижайтесь, ребята, на меня. Это я вас кастрировал. Это сделать приказал наш хозяин господин Краузе. Если бы я это не сделал, вы были бы умерщвлены, а я попал бы в штрафной батальон. Вся операция оскопления была тщательно спланирована фермером. Он пригласил из Кельна опытного врача-анестезиолога и двух санитаров, которые и приготовили вам коктейли из вина и сильнодействующего снотворного. Сам врач, если вы обратили внимание, тоже присутствовал на вечере. Когда вы уснули, то каждый получил через дыхательные пути дополнительно еще ударную дозу наркоза. Таким образом, ваше сознание было надежно отключено для выполнения любой операции. Сам врач и его помощники принимали непосредственное участие в кастрации. Вся операция длилась не более часа. Вам были поставлены необходимые уколы, инструмент был стерилен. Словом, все сделано по всем правилам – ранка заживет быстро.

Вот такую информацию нам выдал ветврач. Затем он начал нас успокаивать. Сказал, что жизнь продолжается, что отсутствие яичек на здоровье не повлияет, вот только детей не будет... Далее, он поведал нам и о причине этой жестокой экзекуции:

- Вы, наверное, терзаетесь вопросом: «Почему хозяин фермы с вами так поступил?» Как только он приехал на побывку, его люди сразу же доложили ему о ваших амурных делах. Когда он узнал, что жена ему изменила, он был вне себя от ярости и сразу хотел застрелить Маргариту, но не смог это сделать - он очень ее любит. Иоган узнал также и о похождениях остальных пленников в соседней деревне. Конечно же, господин Краузе мог всех вас либо передать в концлагерь, либо расстрелять на месте. Но он придумал адекватную меру наказания, считая ее самой гуманной и справедливой. Сегодня рано

Встреча с интересным человеком

утром наш господин, убедившись, что его задание выполнено, отбыл на фронт. Я лично его проводил. Он сказал, что поехал искать русскую пулю. Маргарита проводила его холодно.

Все, что рассказал нам ветврач Ганс, мы выслушали с большим интересом. Но нам от этого не стало легче. Доктор животных был добрым малым, он всегда к нам хорошо относился, поэтому к нему у нас претензий не было. Да он казнил нас, но сделал это по воле хозяина и ради нашей жизни. А расстрелять нас было проще простого: «при попытке к бегству».

Наш «хирург» оказал нам неоценимую услугу после операции. Кое-кому он еще раз спас жизни. Ганс сказал, что он прекрасно понимает наше состояние и знает, о чем кастрированный молодой человек может думать. Поэтому он освобождает нас от работы на целый месяц и обеспечивает нас в неограниченном количестве чистым медицинским спиртом.

Он сказал:

- Пейте, ребята, до потери сознания каждый день, забудьте о своем несчастье. Спирт вам поможет обрести себя. Другого лекарства я не знаю, кроме суицида, разумеется. Но вы должны не думать об этой крайности. Надо жить, жизнь дается только один раз. Зато счастье многогранно. В вашем случае стала тусклой только одна грань... Пейте, чтобы забыть об этом. А я буду следить за вашим здоровьем. Алкоголь и время - ваши друзья...

Уходя из нашего домика, ветврач незаметно от моих товарищей, сунул мне в руку пакет.

- Иоган велел передать вам лично - шепнул он.

Меня бросило в жар. О чем мог написать мне этот фашист? Неудержимое любопытство заставило меня выйти во двор и уединиться в укромном уголке. Я не успел спросить у Ганса почему капитан Шредер стал Краузе...

6

Я разорвал пакет и достал из него письмо, написанное почти коллеграфическим почерком на русском языке. Я стал читать.

«Иван, ты есть большая русская свинья! На том кровавом поле я мог не брать тебя и твоих товарищей в плен. У нас была директива командования всех оставшихся живых расстреливать на месте. Но я проявил великодушие. Я подарил вам жизнь, рискуя собственным

Николай Бакалов

служебным благополучием. Если бы вы были отправлены в концлагерь, гестапо могло навести справки, где и при каких обстоятельствах вы были пленены. И тогда против меня могло быть возбуждено дело о нарушении воинской дисциплины. Я нашел выход, отправив вас работать на мою ферму от имени моего друга Шредера, погибшего накануне от шальной пули. Он был офицером при штабе Паулюса. Даже моей жене мои солдаты сказали, что пленники к ней на ферму доставлены по распоряжению Шредера. Таким способом я снимал с себя ответственность за ваше пленение, хотя, повторяю, я рисковал. Наспех придуманная мной легенда, хорошо сработала. Вы благополучно добрались до фермы и стали жить на ней, как у Христа за пазухой. Ты, Иван, и твои товарищи жили лучше, чем любой немецкий солдат на фронте. Когда моя родная 6-я Армия в Сталинграде истекала кровью, вы были сыты, обуты, одеты, вы спали в тепле, вели вольный образ жизни. Но вам этого показалось мало. Чем вы и лично ты, Иван, заплатили мне вместо благодарности? Пользуясь женской слабостью и добротой моей жены, ты по-предательски по отношению к твоему спасителю, овладел ею. Как только я приехал, мои люди доложили мне о твоих любовных похождениях. Я хотел сразу же застрелить и жену, и всех вас. Но рука не поднялась на Маргариту, а она вымолила у меня ваши ничтожные жизни. Твои товарищи такие же кобели, как и их командир. Пользуясь тем, что все мужчины деревни воюют на фронте, они перепортили всех молодых девушек и соблазнили к сожителю почтенных женщин, вдов. Даже в своем родном немецком языке я не могу найти слов, чтобы выразить ваше ничтожество. А между прочим, я в России не только никого не изнасиловал, но даже при полном согласии не лез на русских баб, потому что считаю, что прелюбодеяние не прибавляет мужского достоинства.

Надеюсь, Иван, ты теперь понял, почему я отнял у тебя и у твоих бабников мужское достоинство. Смерть для вас была бы слишком легкой карой, надеюсь, у тебя хватит мужества после войны рассказать своей супруге и твоему сыну, за что я тебя оскотил. Если я погибну, Маргарите ты тоже не нужен будешь без яиц. Да, ты разбил мою семью. Не знаю, за что тебя так полюбила Маргарита. Я уезжаю, наверное, навсегда. Моя пуля в России уже отлита. Скажу откровенно, Иван, видит Бог, я не хотел войны с Россией. Я полюбил вашу страну и широкую русскую душу будучи на учебе в московской академии. Не верь тому, что я вчера болтал о победе нашего оружия. Германия обре-

Встреча с интересным человеком

чена на поражение. Я еду на фронт только для того, чтобы выполнить свой воинский долг. Да, видимо моя могила в России никем не будет оплакана, у меня даже нет детей. Какое несчастье умирать, не имея наследников. Скажи Маргарите, чтобы она меня не ждала. «Треугольники» в любви, как правило, мало кому приносят счастье. Но наш треугольник сотворила война и за это я ее ненавижу. У тебя, Иван, в твоём колхозе была своя семья и я хотел сохранить для нее тебя. У меня в Вестфалии на Северном Рейне была своя семья. Мы были счастливы с Маргаритой. Моя образцовая ферма - плод моего титанического труда. Я работал сутками, создавая состояние для того, чтобы моей красивой жене красиво жилось, чтобы она ни в чем не нуждалась. И я достиг этой цели, у нас было все. Для полного счастья нам не хватало только детей. Мы просили Бога... Но тут случилась эта проклятая война.

Теперь, Иван, наберись мужества осмыслить суровую действительность по-философски. Ты бы на моем месте поступил также, если не хуже. Что касается меня, то я и на том свете буду спокоен. Немецкие женщины должны принадлежать только немцам.

Единственная просьба к тебе, Иван: когда прочитаешь это сентиментальное письмо, уничтожь его. Прощай. Встретимся на том свете. Иоган Краузе.

Прочитав это послание от моего палача, я заметался как затравленный зверь. Мои моральные мучения умножились. Как я не придирался к каждому слову Краузе, от каждой строчки письма веяло железной логикой. Мне стало стыдно перед этим немецким офицером за свою любовь к Маргарите. Иоган пробудил во мне и обострил чувство вины перед моей женой Анной и сынишкой Колей. Где-то там в колхозной деревне они и мои родители ждут-не дождутся от меня весточки. Они, наверное, уже получили извещение, что я пропал безвести. Но они не теряют надежды. Там мои земляки тоже кормят армию, но в отличие от немцев, отдают ей все, не оставляя себе даже хлеба на пропитание. Ведь и до войны колхозник жил в основном только за счет своего подворья.

- Ах, господин Краузе, почему ты не застрелил меня этой ночью? – думал я, - ты казнил меня на всю оставшуюся жизнь, если она состоится.

Жить не хотелось. Что-то надо было делать. Я был раздавлен физически и морально. Ноющая боль в пахе не давала сосредоточиться на принятии решения. Жизнь потеряла смысл. Выход один - свести

с ней счеты. На душе стало веселей. Из любого положения можно найти выход...

Захожу в домик попрощаться с ребятами, а они сидят и пьют спирт. Налили мне «штрафной». Выпил - не берет. Попросил еще налить стакан. Чувствую, появился небольшой интерес к жизни. Алкоголь сделал свое дело.

Кто сказал, что пить вредно? Спирт меня спас от самосуда. Да и не только меня. Мы целый месяц беспробудно пили это лекарство ветврача.

А вообще-то спирт не главное лекарство. Главный лекарь при любом несчастье – время. Ударные дозы алкоголя помогли выиграть у жизни самое трудное время. А дальше мы начали работать. У нас появились маленькие радости. Но Маргариту я целый месяц не видел.

И вот однажды дождливым летним днем Маргарита через своего человека приглашает нас на свой день рождения. Это было 5 июня 1943 года. Ей исполнилось в тот день 25 лет.

Мы, нарвав в поле по охалке цветов, пошли поздравить Маргариту с ее юбилеем. Мы уже шутили и над собой. Я наш отряд называл внухами поросячего гарема. Да, юмор тоже целебный компенсатор физического недостатка. Жизнь продолжается...

В приподнятом настроении заходим в дом Маргариты и зажимаем ее со всех сторон букетами цветов. Это было неопишимо. Посреди огромного букета самый красивый цветок - голова Маргариты. Она смеется и плачет.

Маргарита так изменилась за это время, похудела и стала бледной. Я дожираю ее глазами, мои чувства не передать. После шампанского Маргарита приглашает меня на танец. Она и виду не подает, как будто ничего не произошло. Я сказал ей, что ее муж передал мне записку, в которой просил передать, чтобы она его не ждала. Маргарита вспыхнула:

- После того, что он сделал с вами, я его вычеркнула из своей жизни.

Затем она пристала ко мне, чтобы я показал ей записку. Но я письмо Краузе накануне сжег. А то, что я выучил его наизусть, я не мог признаться любимой женщине.

Маргарита сообщила, что с сегодняшнего дня сняла охрану. Полицейские уехали уже в город.

- Куда теперь вам бежать? И зачем? Все равно скоро война кон-

Встреча с интересным человеком

чится. Я думаю, что вы не пойдете на эту глупость, - сказала она.

Я не мог тогда сообщить ей о страшной тайне. Мои ребята без меня решили ждать, пока наш экзекутор опять не приедет в отпуск. Они поклялись его тоже кастрировать ржавым скальпелем. Мстители уже прошли практику на кабанчиках. Конечно же, я им про письмо ничего не говорил. Отговаривать скопцов от их плана было бесполезно.

В конце вечера я на пьяную голову признался Маргарите, что чуть было не повесился. Она заплакала, прижалась ко мне и, не обращая ни на кого внимания, стала меня страстно целовать.

- Ты думал о себе. Да? А обо мне ты не думал, Иван, мой муж, мой бывший муж просчитался. Я все равно тебя люблю. Твой физический недостаток для меня ничего не значит.

С этими словами Маргарита увлекла меня во двор. Теплый вечер освещала луна. Недвижимый воздух был пронизан ароматом цветов, которые та взяла мою руку и прижала к своему животу.

- Иван, - говорит она, - я жду от тебя ребенка.

Я чуть не упал со скамейки.

- Что ты говоришь? Это, наверное, от твоего мужа - возразил я.

- Да нет, врач определил трехмесячную беременность, а муж уехал всего месяц назад. Да я сразу это почувствовала, после Сталинградской битвы, после сеновала... У нас будет малышка Анна, вот увидишь, Иван.

- О, Боже, - воскликнул я, - этого нам еще не хватало!

- Не волнуйся, Иван, у тебя будет в Германии ребенок, ты будешь его отцом. Но ты волен после войны сделать свой выбор, я ведь тебя не могу принуждать. Хотя, как будущая мать я бы очень хотела, чтобы с нами был отец, - на одном дыхании быстро проговорила Маргарита. Я грустно пошутил:

- Отец-скопец. Чем не стихотворение из двух слов. Зато какая емкость, какое глубокое содержание.

- Не язви, Иван, - вспыхнула Маргарита, - еще раз прошу тебя, не думай об этом. Главное, ты жив, здоров, ты сильный и красивый мужчина. Остальное приложится. Ты еще не знаешь своих возможностей. В тот вечер мы долго с ней сидели под яблоней, много говорили о нашем будущем, но для меня оно было в тумане.

Опять потянулись однообразные будни ухода за скотом. Правда, мы стали мало бывать в коровниках. Весь скот выгонялся на пастбище. Все мои ребята хотели быть пастухами. Отрадно было находиться

на природе, которая напоминала нам родные уголки России.

А между тем, на восточном фронте наступило затишье перед бурей. Все радиостанции мира намекали о готовящейся крупной военной операции против советских войск. Но где именно должно произойти решающее сражение - никто не знал. И вот 5 июля немецкие средства пропаганды возвестили миру о начавшейся на Курской дуге операции «Цитадель», которая по замыслу гитлеровского командования должна была переломить ход военных действий. Предрекался быстрый разгром Советской Армии.

Да, Гитлер на Курской дуге решил взять реванш за сталинградское поражение. Туда были стянуты огромные силы, превосходящие по численности солдат и военной техники советские войска. Об этом каждый день трубил Геббельс. Он не скрывал, что операция на Курской дуге проводится по аналогии с Харьковской операцией, которую блестяще провели гитлеровцы в мае прошлого года. Цель немецкого командования на Курской дуге тоже не скрывалась - это окружение советских войск на курском выступе.

Шли дни, менялись направления ударов, но существенных перемен в пользу германских армий не происходило. Затем вдруг все радиостанции мира дружно заговорили об успешном контрнаступлении советских войск, и далее стратегическая инициатива полностью перешла в руки советского командования. Курская битва закончилась полным поражением немецко-фашистских войск. Одних солдат противник потерял свыше 500 тысяч человек. Не помогли Гитлеру ни «Тигры», ни «Пантеры», ни «Фердинанды», ни самолеты «Фокке-Вульф - 190А». За 50 дней боев было разгромлено около 30 дивизий противника. Советские войска продвинулись вперед более, чем на 100 километров, был освобожден Харьков. Немецко-фашистское командование вынуждено было отказаться от наступательной стратегии и повсеместно перешло к обороне. Разумеется, всю эту информацию я перелопатил после войны.

Как-то в конце августа я пошел в библиотеку Маргариты поискать карту Советского Союза, чтобы посмотреть и определить линию фронта. Я уже мог читать немецкие книги, почти не пользуясь словарём. Библиотека в этом фермерском доме была шикарной. Супруги Краузе со вкусом собрали почти всю мировую классику. Без особых затруднений я нашел «Атлас мира», в котором находилась и карта моей страны. Когда я ее разглядывал, в библиотеку тихо зашла Маргарита.

Встреча с интересным человеком

Лицо ее было бледным и серьезным. Она протянула мне телеграмму. Я быстро прочитал:

«Ваш муж господин капитан Иоган Краузе, героически сражаясь в оперативной группе «Кэмпф» с войсками большевиков, пал смертью храбрых при проведении операции «Цитадель» на Курской дуге в районе населенного пункта Соломино на реке Северный Донец и там же похоронен на немецком военном кладбище». Далее с немецкой пунктуальностью следовали сопутствующие подробности: дата гибели, часы и минуты смерти, назывались имена командира части, свидетелей, номер могилы и так далее.

Я быстро нашел на карте село Соломино. Оказалось, это недалеко от места гибели моей дивизии. Вот она судьба...

Мы с Маргаритой долго молчали. Каждый из нас думал о своем. Я думал о письме Иогана, в котором он точно предопределил свою гибель. Ведь это еще Пушкин метко подметил: человек умирает дважды. Первый раз духовно, когда он мысленно готовит себя к смерти. А второй раз физически.

- Ну, вот теперь я тоже вдова, - печально проговорила Маргарита, - он и здесь без меня решил все проблемы. Иоган был человеком сильной воли. Свою пулю он поймал сам, я в этом уверена. Наверное, я виновата в его смерти. После войны я должна найти его могилу.

Маргарита облачилась в траурную одежду и долго ее носила. Она уже была на шестом месяце беременности, когда однажды на ферму приехали военные люди. Нас, семь пленников, собрали во дворе. В присутствии Маргариты старший зачитал распоряжение городской комендатуры о срочном переводе нас на военный завод, производящий для армии какое-то снаряжение. Маргарите Краузе было рекомендовано максимально использовать труд местного населения.

- Все ясно, - подумал я, - на восточном фронте немцы уже не могут брать в плен советских солдат, а тех, что раньше взяли - уничтожили в лагерях. Все трудоспособное население мобилизуется на фронт. Но надо же кому-то работать на заводах.

Сборы были недолгими. Маргарита проводила меня в слезах со словами:

- Не забывай меня, Иван, мы еще увидимся.

Нас привезли на большой деревообрабатывающий завод, на территории которого стояли бараки. Нас разместили в одном из боксов. Завод был огорожен колючей проволокой и усиленно охранялся. Воль-

ная и сытая жизнь для нас здесь кончилась. Кормили плохо. На заводе работали сотни людей, в основном военнопленные. Цеха были напичканы различными деревообрабатывающими станками, на них мы производили всякую тару, начиная от ящиков для снарядов и, кончая гробами. Режим был жесткий. Работали по 12 часов в сутки. Никакой связи с внешним миром не было. Маргариту я больше не видел. Я даже не знал, кого она родила.

Освободили нас американцы. От скудного питания и тяжелого труда мы выглядели доходягами. Американцы нас кормили как на убой, мы быстро поправились.

Как только закончилась война, нас погрузили в эшелоны и отправили в Советский Союз. Не успел наш поезд пересечь нашу границу, как нами занялись люди Берии. Уже в Москве нас всех бывших военнопленных основательно допросили, пересортировали по степени вины перед Родиной и этапом отправили в Сибирь на заготовку леса. Некоторым «врагам народа» особисты дали возможность заехать домой, на недолго, а меня, как старшего, из Москвы сразу повезли в Ивдельские лагеря, что на севере Свердловской области, и я там целых пять лет валил лес. Домой не писал никому. Ведь меня приговорили к десяти годам лагерей. Я не хотел, чтобы мои родители переживали за меня, как за врага народа, не хотел их позорить. А жену не хотел обнадеживать как неполноценный мужчина. Я думал: в деревне меня наверняка уже все похоронили, как пропавшего безвести, и возможно, моя Анна найдет, либо уже нашла свое счастье с другим.

Среди заключенных в лагере было много обрусевших немцев, высланных во время войны в основном из Поволжья в Ивдель только за то, что они немцы. Это были хорошие трудолюбивые и порядочные люди. В лагере они держались дружной диаспорой и не давали себя в обиду. Я с ними сдружился на почве знания немецкого языка, и они мне крепко помогали, не давали падать духом. В моральном отношении я советские лагеря воспринимал как место глумления над советскими гражданами, попавшими в плен врагу по вине хозяина ГУЛАГА. Как ни тяжело было в немецком плену физически, но там мы жили надеждой, верей в победу и это придавало силы.

Морально мне там было легче.

Наш лагерь – леспромхоз на берегу красивой уральской речки Лозьва. По ней и сплаваясь моём заготовленные по ее берегам бревна. О, сплав это величественнее зрелище. Река словно деревянная,

Встреча с интересным человеком

воды почти не видно. Сплошная деревянная масса из темно-желтых хвойных бревен бесконечной лентой быстро несется в русле реки, роя в стеснении берега. Глаз не оторвать от этой завораживающей картины. Ведь сплавляется продукция труда всего Ивдельлага за весь осенне-зимний сезон. И здесь важно не зазеваться - чуть проворонил и из-за одного упершегося бревна может возникнуть затор. Случались такие заторы, что на их разборку привлекали чуть ли не всех зэков того или иного лагеря. Бегать с багром в руках по бревнам в воде не каждый сможет. В этом деле требуется опыт и ловкость. Сколько нашего брата утонуло в Лозье... Однажды и я чуть не погиб при разборке затора. Соскользнул с бревна в воду и сильным течением потащило в образовавшийся проран. Друг немец меня спас, багром успел зацепить меня за одежду и вытащил с того света. Тот день мне хорошо запомнился и потому что придя в барак, я получил от своих родителей письмо. То ли через военкомат, то ли от НКВД они узнали, что я жив. Узнали адрес...

И вот я читаю, политое слезами, послание моей матушки. Приложил руку и отец. После сомнений и упреков бедные мои родители перечислили все деревенские новости, сообщив в первую очередь, что моя Аннушка вышла замуж за инвалида войны. У них уже родилась девочка, а сын Коля уже большой парень, все спрашивает про своего отца ... И тут из моих оттаявших глаз полились рекой слезы. Я так не плакал с самого начала войны. Коля, моя кровинка... Только ради него стоит жить. Только ради него меня вдруг так сильно потянуло в деревню, что я грешным делом подумал о побеге. Ведь до конца срока оставалось еще целых пять лет. Как решая свои проблемы будущего, забыть о праве сына на отца. Мои товарищи по нарам успокаивали меня, как могли. Случилось так, что в это время в наш барак зашла какая-то комиссия во главе с начальником лагеря. Увидав меня со слезами на глазах, они спросили о причине. Кто-то из моих друзей вкратце рассказал о моей биографии. Я молчал, не веря ни в какие чудеса. Комендант лагеря сделал в блокноте какую-то пометку и комиссия удалилась.

Лагерная жизнь потекла своим чередом, жесткий распорядок дня и работа, работа, работа. Но однажды, спустя месяца три после комиссии, меня вдруг вызывает начальник лагеря. «В чем я еще провинился?» - подумал я. Захожу в кабинет начальника и вижу на его лице доброжелательную улыбку. Он берет со стола лист бумаги и читает решение какой-то судебной инстанции. Ушам своим не верю - мое дело

Николай Бакалов

пересмотрено и мне сокращен срок заключения на три года.

- Значит, мне еще два года баланы катать - вслух высказываю свою мысль для себя.

- Нет, - возразил начальник лагеря, - Кроме того, согласно положения о зачетах, Вы перевыполнили установленные нормы выработки на целых два года. Говорят, Вам помогли немецкие друзья из Поволжья. Так что я поздравляю Вас, Иван Иванович, с досрочным освобождением.

С этими словами начальник лагпункта крепко пожал мою руку. Чувствовалось, что он искренне был рад моей свободе. Чувствовалось и то, что на сто процентов в этом была его заслуга. Наш начальник бывший фронтовик, в звании генерала был разжалован и сослан в «Ивдельлаг» искупать вину за большие людские потери при выходе его дивизии из Харьковского котла. То есть мы с ним воевали в 1942 году рядом. Но я попал в плен к Гитлеру, а он к Берии. Говорят, Сталин хотел его расстрелять, но увидев фамилию генерала в списке лиц, представленных к высокой награде, вычеркнул ее и принял соломоново решение. Вот почему, быстро «дослужившись» в лагере до должности начальника лагеря, бывший генерал так благоволил к «врагам народа» из военных, и помогал им, чем мог.

Получив документы об освобождении, я сразу же поехал в свою деревню, с которой меня разлучила война на целых девять лет. Лагерь - это продолжение войны. Мне чертовски повезло - моя война, кажется кончилась. Для моих товарищей она еще продолжалась там в зоне ГУЛАГа. Как только я сел в поезд, у меня появилось будущее. Я думал о сыне, о родителях, о новой жизни на свободе. Найду ли я себе дело в деревне после всего пережитого?

Но вот я не успел переступить порог отчего дома, не успел родителей обнять, как прибегает соседка и прямо за рукав потащила меня на колхозное собрание - говорит, земляки меня там ждут, уважить надо. Оказывается, колхоз давно без председателя. В конторе собрались в основном женщины, мужиков совсем мало, да и те инвалиды, да старики. Выкосила война всех молодых ребят. Не успел поздороваться с людьми, как на шее с воем у меня повисла Анна, ну, моя бывшая жена. Ревет белугой, просит прощения, что не дождалась меня и вышла замуж. «Будь снова моим мужем», - молит она. Я ей верю, что она по-прежнему меня любит, мне и ее жаль и себя. Да был бы я при достоинствах, мы бы снова стали супругами. А тут я был даже рад,

Встреча с интересным человеком

что мои проблемы уже решились. Ну вот пока я успокаивал Анну, моя соседка предлагает собранию избрать меня председателем колхоза. Не успел я и рта открыть, как все единодушно проголосовали за меня. Так я стал председателем колхоза, это на пятый день после освобождения из лагеря. Как говорится: из грязи, да в князи.

И закрутила меня колхозная карусель забот так, что на сон времени не оставалось. Считай, заново надо было поднимать хозяйство. Все должности тогда были у председателя. Я и агроном, и зоотехник, и механик, и снабженец. Это потом пришли специалисты. Колхозники работали за трудодни, но как работали. От зари и до зари. Техники почти не было. Я часто задумываюсь над вопросом: откуда у женщин бралось столько энергии? Ведь работали на голом энтузиазме. Отоварка трудодней зависела от урожая. А в Поволжье засуха нередкое явление. Бывало и по два года трудодни ждали своей очереди. Я к такому выводу пришел: колхозная жизнь держалась на трех китах: на вере в светлое будущее, на силе коллективизма и на песне, как это сегодня ни звучит странно. А тогда в поле едут люди на быках в арбе с песнями, работали с песней, едут с работы вечером уставшие - с песней. Ах, какое звонкое время было, хотя и жили бедно. Почему сейчас народ не поет? Очень редко можно услышать песню и то по пьянке. Все песни отданы для исполнения электронной технике. Вот почему Шаляпиных не стало. Талант стал рабом магнитофона. Опять отвлекся. Да. Работа работой, а личного счастья хочется каждому. Женщины, то есть колхозные бабы /не люблю слово «баба»/ прямо-таки охотились за мной. Они не могли взять в толк, почему такой видный, красивый и здоровый мужчина никого не любит. Ходили даже слухи по деревне, что де Анка на меня навела порчу, чтобы никому не достался. Да и сама Анна не раз приходила ко мне по ночам, прося лишь ласки...

- Нет, - говорил я ей, - нельзя обижать мужа-инвалида. Она заплачет и уйдет, а я затем места себе не нахожу. Но тайну свою не выдавал никому. Мой Колька, можно сказать, жил на два дома: то у матери, то у меня. Ему уже двенадцать лет было. Я уже жил ради него. Покаялся дать ему высшее образование. Колхозу так требовались специалисты. Помню, сколько радости было, когда я купил Коле велосипед. Это сейчас машину легче купить, чем тогда велосипед. Нищета была ужасная на деревне. Раны войны потихоньку заживали, все разрушенное быстро восстанавливалось. Вдруг умирает наш кормчий Иосиф Виссарионович. Повевали ветры перемен. Наступила хрущевская от-

Николай Бакалов

тепель. Конечно, Хрущев был человеком энергичным. Но многие вопросы он решал исключительно волевым методом. Считаю его большой заслугой арест Берии. Никита Сергеевич знал на кого опереться в этом рискованном деле - на Жукова. А впоследствии, из страха перед авторитетом этого выдающегося героя войны разжаловал его из министров обороны. Вот она черная неблагодарность. Но народ объективно воздал должное каждой личности вне зависимости от политического положения. А вообще Хрущев - это сложный характер. Его поступки отличались непредсказуемостью. Он развенчал культ личности Сталина - это был мужественный политический шаг. Но бациллы культа жили и в нем. Никита Сергеевич хватался за многие вопросы как непререкаемый специалист. Решил, например, поднять сельское хозяйство в стране и начал поучать всех, как это сделать. Ему казалось, что достаточно на всей территории СССР внедрить производство кукурузы, так сразу мы догоним и перегоним Америку по производству молока, мяса, яиц. Без учета почвенных и климатических условий Хрущев требовал повсеместного внедрения этой культуры на всей территории СССР. Где-то в Америке на одной из ферм он увидел кукурузу трехметровой высоты и решил: вот он ключ к успеху в сельском хозяйстве. Это сейчас можно улыбаться по поводу чудачеств генсека, а тогда возделывание кукурузы находилось в ранге важнейших политических вопросов. Тот, кто возражал, поплатился карьерой. Нам председателям колхозов в первую очередь доставалось на орехи за невыполнение указаний ЦК. Правда, я был непартийным, но это ничего не значило - снять с должности председателя колхоза райкому не составляло никакого труда. Слава Богу, с кукурузой в нашем колхозе было все в порядке.

Но вот однажды по линии Облисполкома собрали нас руководителей колхозов в областном центре на сельскохозяйственный семинар. А там вдруг объявили, что формируется туристическая группа из числа председателей колхозов для поездки в Федеративную Республику Германии для изучения животноводческого и зерноводческого опыта. Ознакомившись с планом и маршрутом туристической группы, незамедлительно записался кандидатом в туристы - предстоял еще отбор КГБ. Как у бывшего военнопленного у меня было мало надежды на «добро» госбезопасности. Но помогли связи и моя хорошая репутация по работе. Я был включен в список тургруппы.

Из Москвы мы должны были лететь самолетом в Штутгард,

Встреча с интересным человеком

оттуда в Бонн, далее поездка на автобусе в Кельн, Ганновер с посещением окрестных ферм. Но ведь от Кельна рукой подать до фермы Маргариты Краузе. Неужели судьба нас снова сведет? Неужели я ее снова увижу? Сначала это была робкая надежда. Затем она переросла в уверенность: я должен ее увидеть, я увижу ее во чтобы то ни стало. Прошло шестнадцать лет с тех пор, как я последний раз видел Маргариту. Тогда через три месяца она должна была родить от меня ребенка. Я ничего о них не знал. Ведь в то время контакты с иностранными гражданами были проблематичными - шла холодная война. Меня вдруг охватило теплое чувство отцовства. Дети не выбирают себе родителей. «Да, сын у меня в России есть, - думал я, - он уже учится в сельскохозяйственном институте. Хорошо бы иметь в Германии дочку. Ведь и Маргарита мечтала родить девочку, ей и имя было припасено Анна».

До выезда нашей тургруппы в ФРГ я не находил себе места - а вдруг по моим анкетным данным меня исключат из списка. Но, наконец, слава Богу, все формальности позади и мы летим в Штутгарт.

Организаторы нашей турпоездки с немецкой стороны приняли нас исключительно тепло, как будто мы с ними и не воевали. Да, собственно, народ давно прозрел в какую авантюру втянул Гитлер германскую нацию. И теперь в отношении к нам большинство немцев как бы старалось загладить свою вину за свое прошлое. Нас сопровождают представители министерства сельского хозяйства. Они были исключительно вежливы с нами и не скрывали своих профессиональных секретов. Нам показывали лучшие фермы Германии. Конечно, во время войны сельскохозяйственные объекты не подвергались массированным бомбардировкам, как города и заводы, и все же после такой разрухи немцы уже жили значительно лучше нас, потому что государство уделяло огромное внимание развитию сельского хозяйства. Прежде чем поднимать экономику, необходимо накормить население страны - такая была установка тогдашнего правительства. И, как мы убедились, успех был налицо. Развитие ферм шло по пути интенсификации производства.

В Бонне советских фермеров, как нас там называли, встречал сам министр сельского хозяйства. Он лично показал нам достопримечательности города Бонн, ведь после войны стал столицей ФРГ. Прекрасный уютный город, расположенный на берегах Рейна, был и научным центром сельского хозяйства.

Все, что нам показывали и рассказывали, было очень интересно, но мне не терпелось быстрее увидеть Маргариту. Я попросил разрешения у руководителя группы отлучиться на два-три дня с условием возвращения в группу в городе Кельн, который мы должны были посетить после Бонна. Руководитель нахмурился - непростую я задал ему задачку. Ведь в каждой тургруппе тех времен как правило находились анонимные кагэбэшники. Я умолял отпустить, заверяя, что никакого ЧП не случится. Шеф колебался и, спросив меня о месте отлучки, на всякий случай посмотрел в свои бумаги.

- Так ведь фирма Краузе, как образцовое хозяйство, находится в плане посещения нашей тургруппы, - радостно объявил он.

Меня охватило невыразимое волнение. Неужели я увижу мою Маргариту через три дня? Я потерял аппетит и сон.

И вот мы на автобусе подъезжаем к ферме Маргариты Краузе. В моей голове возникали разные сценарии встречи. Сначала я решил не выдавать себя, хотел только посмотреть и уехать. Но ведь это глупо и подло. Затем родился вариант приподнести себя неожиданным сюрпризом. Но в конце концов решил: что будет.

Смотрю в окно автобуса на знакомые места. Как же все изменилось за это время! Ферму я не узнал. Она расширилась и обновилась, видимо скота стало значительно больше. Дом Краузе тоже стал неузнаваемым, видимо после капитального ремонта.

Во дворе нашу делегацию встречала сама хозяйка фермы. В строгом деловом темно-синем костюме. По русскому обычаю Маргарита держала в руках хлеб-соль. Когда она, идя нам навстречу, приблизилась с гостеприимной улыбкой, я ахнул. Маргарита несколько не изменилась ни лицом, ни фигурой. та же молодость, та же красота, то же очарование, что я оставил шестнадцать лет назад. Меня душили слезы и мучил вопрос: замужем ли она?

С нами был переводчик, но Маргаритта отказалась от его услуг и на чистом русском языке поприветствовала нас и справилась о нашем здоровье. Затем она пригласила нас в свой офис выпить по чашке кофе. Мы зашли в большой зал с накрытыми столами. Хозяйка объявила, что желает персонально познакомиться с дорогими гостями. Мы выстроились вдоль стены. Назвав свое имя, Маргарита подходила к каждому туристу и подавала руку. Я стоял последним у самой двери. Она подошла ко мне с официальной, милой улыбкой и протянула мне свою красивую наманикюренную ручку.

Встреча с интересным человеком

- Иван Иванович Бугаев, председатель колхоза «Путь к коммунизму», - твердо отчеканил я, глядя в ее до боли любимые глаза.

Я не выпускал ее руку, сжимая все сильнее и сильнее ее маленькую, но твердую ладонь. Маргарита закрыла глаза и покачнулась, затем встряхнула головой, словно отгоняя наваждение, растерянно оглянулась, сказала своему помощнику, чтобы тот рассаживал за столом гостей, а затем быстро потянула меня в дверь. Мы зашли в какую-то маленькую комнату и тут Маргарита дала волю своим чувствам.

- Иван, как я долго тебя ждала, - обняв мою шею, заплакала она. Я тоже заплакал. В поцелуях мы смешали слезы счастья.

- Как я жила эти годы? - успокоившись, стала рассказывать Маргарита, - меня спасала работа. Я работала как лошадь. Государство мне выделило кредит на расширение фермы. Ты увидишь, на что способна женщина. Кредит я давно погасила.

Маргарита говорила, говорила то на немецком, то на приличном русском языке.

- Я верила, что судьба нас снова сведет, и потому закончила заочно институт иностранных языков. Я уже перечитала ваших многих классиков на вашем языке...

Затем, насколько позволяло время, коротко рассказал о своей холостяцкой жизни.

Маргарита кому-то позвонила по телефону и распорядилась, чтобы группе русских после экскурсии по ферме устроили удобный ночлег с хорошим ужином и завтраком. Затем она повела меня в дом, который тоже подвергся основательной переделке. Интерьер комнат поражал шикарной мебелью. Каждое помещение было обустроено в определенном классическом стиле.

Мы зашли в одну из комнат. Маргарита кому-то позвонила. Не успел я посмотреть картины знаменитых художников, как в комнату зашла молоденькая девушка.

- Ты меня звала, мама, - спросила она, с любопытством поглядывая на меня.

- Да, знакомься, Иван, это твоя дочь Анна, - представила Маргарита девушку.

Я обалдел. Такая взрослая дочь и такая красавица. Не успел я и глазом моргнуть, как Анна со словами «папа, папочка» подбежала ко мне и поцеловала меня трижды по христианскому обычаю.

- Мне так много мама рассказала о Вас, а Вы даже фотографию

нам не оставили. Правда, я нарисовала Ваш портрет со слов мамы и всех, кто Вас знал. Говорят похож. Я Вам покажу, маме он очень понравился, как она часто Вас вспоминала. Анна щебетала на чистом русском языке. А я не мог наслушаться ее чистого певучего голоса.

Маргарита взяла нас за руки и подвела к зеркалу.

- А теперь посмотри, папочка, кто больше похож на того молодого Ивана. Ты или твоя дочь? Эта проказница ни одной черточки от мамы не унаследовала, копия папы, вся рожица русская.

Аннушка обняла меня за шею с детской непосредственностью и спросила:

- А какие бывают русские красавицы?

- Как ты, — ответил я, — ты и есть самая настоящая русско-немецкая красавица.

Она захохотала, потом вдруг стала грустной и спросила, когда мы уезжаем. Мне не хотелось отвечать на этот вопрос, потому что я почувствовал себя в родной семье и мне, по правде, уже не хотелось уезжать. Наступила неловкая пауза.

Знаешь что, Иван, -вдруг резко обратилась ко мне Маргарита, -никуда ты от нас не уедешь, мы тебя не отпустим. Советский Союз и твой родной колхоз «Путь к коммунизму» без одного Ивана обойдутся, а мы нет, ты нам нужен. А в Россию мы тебя будем иногда отпускать, когда сильно соскучишься по Родине.

- Но...

- Никаких но, все вопросы по гражданству я беру на себя. Сколько можно бедной женщине пахать на ферме? Вот ты и останешься здесь при своей должности председателем Фермы-колхоза. Давай назовем наше предприятие «Путь к коммунизму». Какая разница в названиях, был бы результат.

Так я стал гражданином Федеративной Республики Германия. О, это было в то время не простым делом - получить гражданство капиталистической страны. Много было бумаги исписано. Во-первых, сначала надо было уладить конфликт с властями СССР. Когда я объявил нашему руководителю группы о своем решении остаться в Германии, того чуть кондрашка не хватил. Это было ЧП мирового масштаба. «Винновников» дома ждали большие неприятности по службе. За поведение туристов за границей отвечали прежде всего руководители групп и работники КГБ, которые были в каждой туристической группе.

Мы написали заявления в различные советские органы власти, а

Встреча с интересным человеком

также написали письмо самому генсеку Никите Сергеевичу Хрущеву. Скандал был, конечно, большой, многие газеты об этом писали, но в конце концов мы добились, чего хотели. Мы с Маргаритой официально зарегистрировали наш брак и сыграли пышную свадьбу. Я и Маргарита с дочкой приняли новую фамилию - Бугаевы-Краузе.

Так для меня началась новая жизнь. Маргарита торжественно передала все бумаги по управлению фермой и я стал ее руководителем, считай, председателем большого и сложного сельскохозяйственного комплекса. На первых порах я поставил перед собой задачу более, чем скромную - не ухудшить состояние фермы, сохранить ее конкурентоспособность, что в условиях капиталистической страны совсем нелегко и непросто. Ведь в СССР слово конкуренция только мелькала в газетах, многие советские люди даже не понимали его значения. Вместо конкуренции у нас было социалистическое соревнование. В колхозе я работал, как говорится, от зари до зари, но там и отрицательный результат - результат. Ни у кого из председателей колхозов о сбыте продуктов голова не болела. Образно говоря, колхоз не тонул при любой погоде. На капиталистическом предприятии все гораздо сложнее. Там результат - мерило и твоей работы и твоего благополучия. За своим хозяйством следи, но не забывай и о соседях, о том, что делается в стране, в Европе, в мире. Следи за наукой, за передовыми технологиями. Только внедряя в производство самое лучшее, самое эффективное, ты можешь находиться на плаву. Чуть выпустил из виду показатель себестоимости - без прибыли можешь остаться. Но работать на Западе интересней. Кругом тебя классные специалисты, а главное все, что надо для фермы, можно достать в течение дня. К тому же, и государство поможет льготными кредитами.

Сначала Маргарита меня подстраховывала, а затем, убедившись, что мы «сами с усами», тихонько отошла от дел, стала больше внимания уделять Аннушке, дому, всякого рода культурным мероприятиям. Она увлеклась всерьез живописью. Она организует поездки на выставки лучших художников. Мы часто отправлялись в короткие путешествия по Рейну. Мы всегда брали с собой Анну. Она так привязалась ко мне, что ее мама стала ревновать ко мне. Но ведь сама виновата. Я вошел в сознание Аннушки с пеленок. Маргарита много ей рассказывала обо мне: какой я хороший, какой сильный, какой красивый. Она, можно сказать, идеализировала меня. Поэтому мы с первой встречи стали родными. И я в ней души не чаял.

Николай Бакалов

Постепенно я восстановил связи с моей родиной. Стал переписываться с родителями и с сыном. Он уже заканчивал институт. Я рискнул походатайствовать перед дирекцией института и перед областным начальством о направлении моего сына на нашу ферму для прохождения производственной практики на ферме Бугаева-Краузе. Не без препятствий. Но в конце концов добро было получено.

Маргарита и Аннушка были в восторге. Дочка мечтала иметь брата, и вот он завтра прилетает в Кельн. В доме переполох - все готовятся встречать дорогого гостя. Маргарита приготовила для моего сына лучшие комнаты. И вот рано утром мы едем встречать Николая Ивановича на двух машинах... Самолет, приземлился и из него выходит двухметрового роста мой студент. Боже, как он возмужал за два года! Я знакомлю его со своей семьей. Мои женщины смотрят на Колю снизу вверх с восторгом и не могут насмотреться – писанный красавец. Он явно смущен таким вниманием. По пути домой наш богатырь рассказывает деревенские новости. Отчим недавно умер. Сестричка Маша пойдет в седьмой класс. Мама работает бухгалтером в колхозе. Да считать то особенно нечего. В прошлом году засуха случилась. Кормов мало заготовили. Пришлось часть поголовья крупного рогатого скота забить... Тут Маргарита на меня поднялась - мол, почему не подсказал о помощи колхозу, ведь у нас такая возможность имеется... Короче говоря, через несколько дней в Волгоград /Сталинград уже был переименован/ была отправлена гуманитарная помощь для колхоза «Путь к коммунизму». Она представляла собой шестьсот тонн комбикормов. Это для хорошего стада почти годовой запас.

Целый месяц Николай был под полным патронажем Анны. Она учила его немецкому языку, знакомила с окрестными достопримечательностями, устраивала поездки в города Кельн и Бонн, организовывала путешествия по реке Рейн. Анна задала ему такой темп жизни, что бедный парень засыпал как убитый, едва коснувшись головой подушки. После того как подготовительная программа-минимум была выполнена, наш студент приступил к практике на нашей ферме. Он был на удивление способным и неутомимым в работе. Все на ходу хватал. Я и сейчас горжусь своим сыном. Прекрасный из него получился специалист. Он и классный зоотехник, и с агрономией он на «ты», и в технике разбирается. Впрочем, специалист широкого профиля. Не случайно накануне своего приезда в Германию Николай был избран колхозниками председателем того же колхоза «Путь к комму-

Встреча с интересным человеком

низму».

Случилось так, что во время практики Анна познакомила Колю с одной местной девушкой, которая, как оказалось, была дочерью того самого ветеринарного врача, который меня кастрировал. Так вот, полюбили они друг друга. Сын от меня своих чувств не скрывал и в отношении к Инге /так звали мою будущую невестку/ у него были самые серьезные намерения. Внутренне я естественно противился даже самой мысли о возможном родстве с моим палачем, но виду не подавал. При чем здесь дети? – говорит разум. А сердце никак не хотело простить... Вот уж действительно судьба играет человеком.

Постепенно я свыкся с ожидающей меня перспективой, тем более Инга была красивой девушкой. Она тогда училась на ветврача в институте на четвертом курсе и поэтому свадьбу с Колей они решили справить позже, и по настоянию Инги, непременно в России.

Маргарита согласилась ехать на свадьбу с большим трудом. Ее можно было понять. Она не хотела встречаться с моей первой женой Анной, считая себя разлучницей. Россия ее и пугала и притягивала. Где-то под Харьковом около деревни Соломино, согласно извещения, похоронен ее муж. Маргарита давно хотела побывать на его могиле. Немцы никогда не забывают о своем долге перед мертвыми.

Так родилась идея совместить обе поездки в одну с попутным вариантом. Я согласился сопровождать Маргариту в Соломино, ведь недалеко от этой деревни находится то поле, на котором полегла моя дивизия. И я тоже решил поклониться праху моих павших товарищей.

К поездке стали готовиться заранее, потому что знали какие нас ждут трудности с получением виз. Но вот месяца через три все бюрократические препятствия мы преодолели. Мы - это я, Маргарита, Анна, Инга и ее почтенные родители. Сборы были недолгими, Как только нам выдали визы, все мы в один день выехали в Россию поездом. До Харькова все мы ехали вместе, а там наши семьи разделились. Инга со своими родителями поехала дальше в Волгоград, а мы с Анной и Маргаритой взяли такси и поехали сначала на мое поле. Была весна. И вот мы на месте тех кровавых боев. Таксист был из тех мест и мы быстро нашли наше поле. Оно зеленело посеянной пшеницей. Поле как поле. На нем уже ничего не напоминало о той страшной войне. Только в центре его возвышался обелиск. К нему вела тропинка. Оставив своих около такси, я пошел к памятнику. Один, нарвав по пути полевых цветов, я возложил их на гранитную плиту к основанию обелиска, где

Николай Бакалов

была надпись: «Павшим героям в борьбе за свободу и независимость нашей Родины». Чуть в стороне я заметил кучку осколков. Кто-то их собрал на поле. Любой из них мог быть и моим в тех боях. Один кусочек поржавевшего рваного металла я взял себе на память. Я заметил и шрамы на земле от окопов и блиндажей. Время лечит и поле. Сколько там осталось непохороненных русских косточек. В братской могиле около обелиска только малая часть их предана земле. И надо же - по сталинским законам военного времени все погибшие в окружении военные считаются безвести пропавшими. Жестокое время рождает жестокие нравы.

Когда я подошел к такси, ко мне подбежала Аннушка с букетом цветов.

- Смотри, папа, здесь растут такие же цветы, как в Германии...

- Да, доченька, и люди под ними покоятся такие же как в Германии, - ответил я с грустью. Анна стала серьезной. И вдруг она резко побежала по тропке к обелиску. Там она положила свои цветы и долго стояла, склонив голову. Откуда это у ней такой интернационализм?

Дочь возвратилась с заплаканным лицом. Я обнял ее и не сдержал рыданий. Маргарита тоже прослезилась...

В деревню Соломино мы приехали под вечер. Там власти по линии КГБ были оповещены о нашем приезде и нам была подготовлена изба для ночлега. Пожилая хозяйка нас радушно приняла, она чем могла угостила, а потом до полуночи рассказывала про бои в этих местах, про тяжелую жизнь в колхозе, муж ее погиб при взятии Берлина, а дети уехали в город, иногда навещаются с внуками, да сил уже нет обрабатывать сорок соток огорода. Мы ей хорошо заплатили...

Утром хозяйка повела нас на немецкое кладбище. Сторож сказал, что на нем похоронено около трех тысяч немецких солдат и офицеров. Нашлась в сторожке и погребальная книга. Все записи кто-то делал в ней очень аккуратно и на немецком языке. У немцев и на том свете порядок. Во-первых, все могилы выкопаны по линейке, а во-вторых солдаты у них похоронены отдельно, а офицерский состав покоится в другом месте кладбища в соответствии с чином каждого на день его гибели. Все могилы занумерованы и это облегчило нам поиск.

- Да, есть такой капитан Иоган Краузе, - сказал сторож, ткнув пальцем в пожелтевшую страницу книги. Затем он повел нас по кладбищу.

Удивительный порядок, как ходили живые строем, так и мерт-

Встреча с интересным человеком

вые лежат, – подумал я. Вот и захоронение офицеров. Сторож, видать из обрусевших немцев, очень хорошо ориентировался среди могил. Он быстро читал имена похороненных и по-немецки называл номера могил.

- Иоганн Краузе, - неожиданно громко прочитал он надпись на табличке креста. Под крестом лежал камень, на котором дублировалось имя похороненного. Маргарита быстро подошла, повесила на крест венок из живых цветов и приложила платок к глазам. О чем она думала? - сам Бог ведает. Я невольно задержался у могилы своего палача. Судьба свела нас в третий раз. Я вновь вспомнил его письмо, и с трудом пересилив себя, мысленно попросил у Краузе прощения. Затем мы с Анной отошли в сторону, оставив Маргариту одну. Вдруг я почувствовал у себя на душе неожиданное облегчение. Отчего бы это? - подумал я. И тут же понял, что я совершенно не питаю вражды к Иогану. Попросив у него прощения, я простил и его. Да, та поездка под Харьков была целительной для наших душ. Людей в зверей превращает война, а войны устраивают безмозглые политики.

Сначала Маргарита хотела перевезти прах мужа в Германию, но там у него родственников не осталось и она решила установить гранитный памятник ему на соломинском кладбище. Да, так будет лучше и для нашей семьи - решили мы оба.

Вернувшись в Харьков, мы сели на поезд и поехали в Волгоград... Приехали мы как раз к намеченному дню свадьбы. Встретили нас как подобает встречать иностранных гостей. Мой «хирург» уже освоился в деревне и уже успел успешно порыбачить с удочкой на речке. Все мы остановились у моих родственников. Конечно же, наших немцев шокировали бытовые неудобства и особенно туалет во дворе. Но что есть, то есть. Зато сколько экзотики нашла наша молодежь. Аннушка восторгалась всем, даже нашей убогостью. За несколько дней дочь успела перезнакомиться со многими местными парнями. Она вела себя так, словно родилась и выросла в этой деревне. Да, я понял, генетически Анна получилась русской. А когда она увидела наши прекрасные места, речку Иловля, Дон, то совсем пришла в поэтическое состояние. Колхозные ребята каждый день ее по окрестностям на мотоцикле катали. А один так прямо напугал нас с Маргаритой. Ухаживать стал настырно. Ни свет - ни заря а он уже на мотоцикле у окна зовет Аннушку гулять... Но она, правда, нас успокоила:

- Не волнуйтесь, папочка, мамочка, пока иняз не закончу, ника-

Николай Бакалов

кой любви не будет.

Она училась в высшей школе иностранных языков. Но возраст тот самый, а нашим парням плевать на все эти мелочи жизни. Красивая девушка, они не считали ее немкой. Короче, как мухи на мед.

Но вот настает день свадьбы. Церковь находилась в соседнем селе. Там и обвенчались Коля и Инга. Хотя в то время подобное мероприятие очень дорого стоило для карьеры молодых. Игнорировали партийцы религию и считали, кто не с ними, тот против них. А Николай был уже членом КПСС.

Венчание прошло по всем правилам, торжественно. Много народа было, мы конечно присутствовали, все родственники и близкие. Ну, и конечно же, мы встретились в церкви с моей бывшей женой, Колиной мамой Анной. Она была со своей дочкой Машенькой. Со мной Анна поздоровалась сдержанно, с грустью в глазах. Я представил ей Маргариту. Но Анна презрительно посмотрела на нее и отвернулась. Тем самым дала понять, что знакомиться с моей немкой не желает. Именно этого и боялась Маргарита. Но, слава Богу, до публичного скандала не дошло. И все же, создавшаяся напряженность испортила настроение и мне и нашей дочери. Но Маргарита взяла себя в руки. После венчания она подошла к Анне и попросила ее задержаться в церкви поговорить. Та заплакала, но согласилась. Святой отец оставил их в церкви наедине. Я до сих пор не знаю, о чем они там говорили. На свадьбу они приехали с опозданием на три часа с просветленными лицами. С тех пор они не разлучались. С ними постоянно были наши дети Анна и Машенька. С нами рядом сидел мой «хирург» со своей фрау - родители Инги. Таким образом, о моей кастрации на свадьбе знали только три человека: сам кастратор-ветврач, Маргарита и я. Но я не исключаю вероятности того, что Маргарита не раскрыла эту тайну Анне, потому что более веского аргумента для примирения колхозницы и фермерши, для возникновения доверия, дружбы между двумя женщинами, любившими одного мужчину, просто нельзя было придумать. Я с душевным облегчением наблюдал, как они вместе пьют вино, чокаются за счастье молодых, разговаривают, смеются, кричат «горько».

Мой хирург со своей фрау не знали по-русски ни одного слова, но когда заметили, что после крика «горько» молодые целуются, стали сами кричать это магическое слово и хором, и отдельно, то есть как бы по индивидуальному заказу. Дочка Анна у них была переводчицей, но

Встреча с интересным человеком

слово «горько» она не могла перевести в свадебном значении. Спросила у меня – я тоже не знал, потому что горько есть горько и к сладкому поцелую молодых оно действительно не вяжется.

- Вероятно, это старая русская ритуальная традиция, - подумав, ответил я Анне.

Но она не удовлетворилась таким разъяснением и пообещала докопаться до истоков. Но тут же она повернулась к сидящему с ней рядом парню и задала ему тот же вопрос. Парень задумался, затем сказал, что объяснить не может, а вот выразить смысл этого слова практически готов. При этом он вытянул свои губы с намерением поцеловать Аннушку. Все засмеялись, а дочь смутившись, оттолкнула нахального ухажера. Но мне уже было не до смеха и в моей голове уже прокручивались варианты изоляции от навязчивого молодого человека.

- Кто этот парень? - спросил я у сидящего рядом колхозника.

- Да это наш колхозный механик Мишка Липунов, сын Марии Липунихи, что на краю деревни живет. Отца его я что-то не припомню. Здоровый бугай этот Мишка. Всех деревенских девок перещупал. Ему бы жениться пора, да никак не выберет по себе невесту, - выдал мне сногшибательную информацию сосед по столу.

Так это же он на мотоцикле катает Аннушку - вспомнил я и меня бросило в жар. Нам еще таких женихов и не хватало. И фамилия Липунов, от слова липнуть. Вот ведь прилип к дочери. С такой силой, да с сексуальным опытом, да при такой нахальной красивой морде - что ему стоит охмурить Аннушку – подумал я. Надо было что-то предпринимать. А свадьба пела и плясала. Я решил вывернуть в электрощитке пробку в надежде, что все гости разойдутся. Только я совершил эту диверсию, как вся молодежь разбежалась. Но и моя Анна куда-то исчезла. Не было на месте и Михаила... А эта ситуация еще хуже, чем была. Словом, правду говорят, благими намерениями дорога в ад вымощена. Я не могу найти себе места, а моя Маргарита спокойно беседует с моей бывшей женой. Свадьба продолжалась при зажженных свечках. Пришлось вкрутить пробки. Вспыхнул свет, всем стало веселей, закричали «горько!» и только мне было действительно горько. Пришла наша Аннушка домой аж на рассвете. Я глаз не сомкнул. А она отшутилась. Мол, с ребятами ходили по деревне, песни пели.

Утром я поделился своей тревогой с Николаем. Тот быстро отреагировал. Он вызвал Мишку в контору и срочно отправил его в командировку в областную сельхозтехнику за запчастями. Ну, а мы тем

временем стали собираться в дорогу. За сына я был спокоен. Он уже крепко стоял на ногах. Инге еще предстояло получить диплом ветврача и поэтому она тоже уезжала с нами. Аннушке ехать в Германию не хотелось, она ждала из командировки Михаила. Но билеты на поезд до Москвы были уже взяты... Маргарита договорилась с Анной, что на следующее лето они с Машенькой приедут к нам в гости в Германию. Нас провожала вся деревня. Простота моих немцев так покорила моих земляков, что они расставались с ними как со своими близкими людьми. Наша дочь была мрачнее тучи. Она еще надеялась увидеть Михаила, ведь он обещал приехать. И вот за минуту до отправления поезда на перрон с бешеной скоростью вылетает на мотоцикле ее механик. Все провожающие шарахнулись в сторону. А он заскочил в тамбур и, не стесняясь никого, стал целовать Аннушку. Договорились опять встретиться и переписываться. Поезд тронулся, а Михаил все никак не может расстаться со своей любимой. Проводница буквально вытолкнула его из вагона. Анна была на седьмом небе от счастья. Не успели отъехать от станции, а она уже спрашивает меня, когда снова приедем в колхоз.

До самой Москвы мы с моим ветврачем обмывали наше родство. Ему очень понравилась русская поговорка: кто старое вспомнит, тому глаз вон. Несколько раз он повторял ее в качестве тоста. Как выяснилось, мой новый родственник Ганс оказался добродушным и веселым компаньоном.

Приехали в Германию и все принялись за свои дела. Наше фермерское хозяйство еще больше расширилось. Увеличилось поголовье «быстрого мяса», то есть свиней, и молочного стада прибавилось. Везде нужен глаз да глаз. Я полностью весь ушел в работу. Анна и Инга учились, готовились к защите дипломов. Маргарита хозяйничала дома. Спустя месяца четыре после приезда из России, она как-то мне таинственно сказала, что хотела бы поговорить «тет-а-тет» со мной на одну деликатную тему.

- Только не падай со стула, держись крепче, - загадочно добавила она.

- Ну не тяни, выкладывай, нечего меня интриговать, - с нетерпением говорю я.

- Иван, мы скоро будем с тобой дедушкой и бабушкой.

- Ну, естественно, - спокойно отвечаю я Инге, - сам Бог велел родить ребенка.

Встреча с интересным человеком

- Да, она беременна, но и наша Анна в положении, - ошарашила меня Маргарита.

- Как!? - только и смог вымолвить, и действительно, чуть не упал со стула.

Господи, зачем я тогда на свадьбе электрическую пробку выкрутил? Ну, почему в моей жизни случается то, чего я очень боюсь?

А Маргарита была спокойна, Меня это выводило из себя.

- Неужели от Мишки? - упавшим голосом спросил я.

- Да, от колхозного механика, того самого, что в вагоне целовался с нашей дочерью.

- Что будем делать? - спрашиваю я.

- А ничего, будем ждать внуков, - улыбнулась Маргарита. - Прокормим, - добавила она.

- Да разве в этом дело? Ребенок у Анны будет незаконнорожденным, - возмутился я. На что Маргарита ответила, что Бог даст, все образуется, и что она верит Михаилу.

- Вон какие длинные письма он присылает Анне каждую неделю. Значит любит, - заключила жена. А Анна была веселой и беззаботной. Она порхала, как птичка. Со мной была очень ласковой, но ничего мне про свою беременность не говорила, видимо, считая сей вопрос сугубо женским делом. Она успешно сдавала зачеты. Время шло. И вот у нас появилась внучка от Инги. А буквально неделю спустя разрешилась и Аннушка, осчастливив нас с Маргаритой четырехкилограммовым внуком. Я сразу назвал этого бутуза механиком. Анна пожелала дать ему русское имя. В честь деда она назвала своего киндер Иваном. Так телеграмму отправила Михаилу в Россию: «Родила Ивана Михайловича Ляпунова весом четыре килограмма. Сынок и мама здоровы. Целую, жду. Анна.» А Инга назвала свою малютку в честь бабушки Маргаритой.

Что в доме началось с появлением внуков - трудно описать. Маргарита буквально потонула в заботах по их воспитанию. Казалось, она была самой счастливой в доме. Бабушка полностью заменила малышам их мам. Ведь они уже готовились защищать дипломы и оба не стали брать академический отпуск. А месяца через два прилетели к нам папаши Коля и Михаил. Ох, и бурными были встречи. Колхозный механик, словно изголодавшийся бык, не отходил от Анны. Я ему, конечно, высказал все, что о нем думал.

- Как же ты, полужуять, нахал ты этакий, до свадьбы посмел охму-

рять Анну и не стыдно тебе? - говорю я ему. А он:

- Так получилось, отец, когда на свадьбе погас свет, мы с Анной побежали на реку. Ну, а там, сам понимаешь, невтерпеж было. У нас же в СССР презервативов днем с огнем не найти. Вот здесь в Германии я их целый, мешок куплю.

- Зачем?

- Ну, на будущее друзьям раздам... - замялся парень.

- Смотри у меня, Михаил, будешь еще по девкам бегать - убью, - полусхотел пригрозил я.

Договорились на лето о свадьбе, которую решили сыграть у нас в Германии.

Михаилу все у нас было вдиковинку. Его поражала высокая культура на производстве. Долго он ходил по ферме, присматриваясь к технологии. А перед отъездом вдруг предложил мне свой план механизации. Он порадовал простотой и надежностью. Мне даже стало неловко за свою некомпетентность. Наш полужулик оказался докой не только в дамских вопросах. Я сразу отметил - башковитый парень. Не зря же он закончил с отличием сельхозтехникум. И диплом защищал по механизации животноводческих комплексов.

- Вот бы мне такого помощника, - говорю я Михаилу. А он мне прямо:

- После свадьбы, батя, определимся, мне у вас нравится.

Отметив день рождения дочери, Николай мотался со своей мачехой по разным фермам, приобретая разное оборудование для колхоза. Конечно же, за наш счет - откуда взять в те времена валюту бедному колхозу. А перед отъездом Маргарита подарила Коле прекрасный джип, чему он был безумно рад.

Наконец Анна и Инга получили свои мучительные дипломы. Приближалось время свадьбы. Все получилось хорошо. Михаил не подвел. Народу приехало как на миланину свадьбу. Всем колхозникам мы оплатили дорогу. Приехали и моя бывшая жена с Машенькой. Дарья, Мишина мама тоже приехала. Мне еще раньше хотелось узнать про отца Михаила. И вот такой случай представился. Остались как-то мы одни за столом с Мишиной мамой. Я набрался храбрости и спросил ее про его отца.

- Нет у него отца, - смутилась Дарья. - Во время наступления немецких войск на Сталинград в 1942 году я была у своей сестры в городе Калач-на-Дону. Мне тогда и двадцати лет не было. Однажды не-

Встреча с интересным человеком

мецкая комендатура к нам на постой поселила офицера. Карл Шмидт его звали. Такой веселый, молодой, красивый. Он никак не походил на врага. Он часто получал из Германии от богатых родителей посылки и баловал нас с сестрой всякими угощениями. И вот однажды случилось... Нет он не насильовал меня, я сама его захотела. Влюбилась в него по уши. Мне казалось и он меня любил. Была война. Надо было торопиться жить. Интуитивно я чувствовала, что Германия потерпит поражение. Что ждало Карла на нашей земле? В Германии у него не было девушки - так он говорил по крайней мере. Я захотела от него ребенка. Про себя загадала: если забеременею, значит Карл останется живым. Вскоре началась Сталинградская битва. Мой «любимый враг» уехал на фронт. Спустя некоторое время я почувствовала, что забеременела. А в феврале 1943 года к нам забежал попрощаться Карл, худой обросший. Как он обрадовался, когда узнал, что станет отцом. «Теперь я не умру», - сказал он по-русски, и грустно улыбнулся. Затем он подарил мне свою фотографию, на которой написал свой адрес. Пообещал после войны нас найти, чтобы жениться на мне. С тех пор я о нем ничего не знаю, но в окружение он не попал. Это точно. Чтобы люди не тыкали в меня пальцем и не называли немецкой подстилкой я после рождения Миши сменила место жительства, переехала в колхоз. А про рождение сына сочинила легенду будто нагуляла с нашим танкистом. Немного изменила дату рождения. Вот так и живем с ним. А он тоже ничего не знает о своем настоящем отце. Так вот более двадцати лет и ношу я эту тайну в сердце. Да все жду Карла. И замуж так и не вышла, хотя многие предлагали руку и сердце. А Миша у нас Карпович вместо Карлович. Всего одна буква отделяет правду от святой неправды. Да вот я на всякий случай захватила с собой Фотографию Карла Шмидта.

Дарья достала из сумочки фотографию. Я взглянул на нее и опешил.

- Так это же Миша, - воскликнул я. Только немецкий мундир офицера заставил меня поверить, что передо мной портрет другого человека. Какое удивительное сходство соткала природа. «Господи, - подумал я, - сколько же война смешала крови, сколько детей от неизвестных отцов-воинов враждующих стран родилось во время войны». Статистика этой цифрой не владеет. Когда ребенок рождается и по любви, и как плод насилия от вражеского солдата - какая мать признается людям в этом?

Так и живут тысячи незаконнорожденных граждан в России, на

Николай Бакалов

Украине, в Германии, совсем не подозревая, что в жилах их течет смешанная кровь. Дети не выбирают себе родителей, и они имеют полное право на счастье.

Может быть, только в архивах КГБ пылятся какие-то сведения об этом... На второй день я позвонил в штаб Вермахта и запросил данные об оберлейтенанте Карле Шмидте, который воевал на Сталинградском фронте. Через день из архива я получил официальный ответ:

«Карл Шмидт погиб как герой 5.08.1943 года в бою с большевиками на Курской дуге и похоронен под Прохоровкой. По последним данным его прах перевезен его родителями в Фатерланд и перезахоронен на одном из кладбищ города Ганновер». Далее к этому сообщению прилагался номер телефона родителей Карла.

Я тут же позвонил. Ответил старый Шмидт. В общих чертах я объяснил ему причину нашего намерения встретиться с ним и его женой в любом месте. Услышав имя своего сына, Шмидт, судя по интонациям голоса, сильно разволновался и попросил нас прилететь в Ганновер самолетом.

Со своей стороны мы решили сразу не раскрывать карты. Ведь Михаил был копией Карла. Эта новость, конечно же, потрясла и его. Сначала он накинулся на мать – мол, почему она не рассказала ему эту историю раньше. Нам с Дарьей пришлось изрядно потрудиться, чтобы доказать Мише правоту его матери. Узнав о предстоящем визите к бабушке и дедушке, Михаил успокоился и даже повеселел. Надо отдать должное его мужеству. Ведь его биография изменилась в одночасье. Неожиданно полученная им информация, произвела в его душе целую бурю переживаний. Но он очень любил свою мать и нашел в себе мудрости правильно оценить ее поступок. В конце концов, жизнь прекрасна и те, кто ее любит, бесконечно благодарны своим родителям за этот божий дар.

- Кто я теперь полурусский, полунемец? - грустно спросил Михаил.

- Ты русский, потому что семя проросло на русской почве, потому что мать твоя русская. А твоя Анна немка, хотя я ее отец. Кровь от матерей, - я как мог объяснил своему полузятю.

И вот мы летим втроем в Ганновер. В аэропорту нас встречает седой немец. Он пристально вглядывается в Михаила, а затем бросается к нему, обнимает, целует со словами: Карл, мой дорогой мальчик, ты жив оказывается, дай я на тебя посмотрюсь, поехали скорей домой,

Встреча с интересным человеком

там тебя ждет твоя мама. По лицу Шмидта текли слезы счастья, он был очень взволнован. Его можно было понять, ведь он видел последний раз своего сына в возрасте Миши.

Мы сели в большой джип и поехали в предместье города на ферму Шмидта, он тоже потомственный фермер. Карл был у него единственный сын. Видимо он его так любил, что при виде Михаила потерял чувство реальности. Когда в машине он немного успокоился, мы начали его осторожно убеждать, что рядом с ним сидит сын его сына, внук, которого зовут Мишель.

- Да, да, grosfаттер, я действительно твой внук, - обратился к нему Михаил.

Шмидт не верил, не хотел верить. Дарья подала ему фотографию Карла. Старый фермер долго переводил взгляд с портрета на Мишу и, не найдя в любимых чертах никакого отличия, запротестовал:

- Наин, найн, дас ист майн дер зон. Мой сын, мой сын... - повторял он.

Затем Шмидт мотнул головой, как бы встряхивая с себя наваждение, и сказал:

- Хорошо, я вам верю, но, мой дорогой внук Мишель, не называй меня дедушкой, я не grosfаттер, я твой фатер, зови меня папой, пожалуйста, тебе это ничего не стоит, это нужно мне... - при этих словах слезы брызнули из глаз Шмидта и закапали на фотографию Карла. И тут уже Дарья заговорила. Я едва успевал переводить. Она рассказала об их короткой любви, о счастливых днях, проведенных ею с Карлом.

Шмидт слушал свою невестку с жадным интересом, затем стал сам задавать вопросы. Его интересовала каждая мелочь из военной жизни своего сына.

Наконец мы приехали на ферму. Генрих /так звали Шмидта/ завел нас в дом и представил своей жене Матильде. Та как увидела Михаила - потеряла дар речи. Как и ее муж, она никак не могла поверить, что перед ней не сын, а внук, которого придумали русские. Но фрау мы убедили быстрее. Когда Михаил назвал ее grosмутер, она совсем расстаяла в умилении и не знала, куда посадить своего Мишеля, чтобы побаловать его своими деликатесами. О нас она совсем забыла, что-то говорила, говорила внуку, подсовывая ему на столе всякие яства. Затем хозяин принес вина и мы стали «обмывать» Мишеля. Тостам Генриха не было конца. Первый его тост был «За святую русскую женщину Дарью, которая подарила им такого прекрасного внука». Когда

Николай Бакалов

Все мы изрядно охмелели, Генрих предложил выпить за самый счастливый день четы Шмидт во всей послевоенной жизни.

- А теперь давайте выпьем за вашего правнука, - просто предложила Дарья, Наши немцы совсем опешили. Пришлось объяснять...

- Нет! Нет! Нет! - завосклицал сияющий Шмидт, - столько счастья в один день не бывает! Я пьян от него! Господи, как ты милостив! У нас есть наследники!

Затем Генрих засуетился. Он объявил, что немедленно хочет видеть своего правнука. Но мы снова ошеломили старого фермера, пригласив его с Матильдой на свадьбу Михаила и Анны. Генрих не понял и потребовал от нас объяснений. Я вынужден был втолковывать дremучему Шмидту, что у нас в России все делается наоборот. Сначала дети, а затем свадьба. Генрих недоверчиво махнул рукой со словами: «Сколько народов, столько и обычаев».

Нам пришлось пожить у Шмидтов дня три. За это время мы хорошо ознакомились с огромной фермой Шмидтов по производству свинины. Там было чему поучиться и мне, и Михаилу.

Генрих и Матильда накупили для правнука и для молодоженов столько подарков, что пришлось их к самолету загружать в отдельный автофургон. Свадьбу Михаила и Аннушки сыграли на славу. Прадед Шмидт не выпускал из рук своего правнука Ивана и все нахваливал российские нравы: сначала киндер, потом венчание. Но когда я по секрету сказал Генриху, почему так получилось, он тут же выдал меня тостом:

- Давайте выпьем за отсутствие в России предохранительных средств! Многие из гостей не поняли значения этого тоста, но все равно выпили, а Михаил показал мне кулак...

Но вот отгремела свадьба и гости стали разъезжаться. У Николая никаких проблем. Он забирает свою Ингу с дочкой в Россию. А вот когда дело дошло до Михаила и Анны, Маргарита встала на дыбы.

- Не пущу я Анну в колхоз, - твердила она со слезами на глазах.

Судили-рядили и так, и эдак. Я стал уговаривать нашего зятя остаться в Германии.

- Дел и здесь много, - сказал я, - да и мне пора на пенсию выходить, кто-то должен взять управление фермы в свои руки.

И Михаил сдался. Остался он на ферме пока механиком и мать свою Дарью не пустил обратно в СССР. Словом, нашего полку прибыло. Сколько радости было от такой развязки сложного житейского

Встреча с интересным человеком

узла. А мне стало жить совсем весело - ведь при нашей ферме образовалась целая русская диаспора.

Но тут возник с претензией на внука Шмидт - мол, у него тоже ферма и Мишель смог бы там работать управляющим.

Но Маргарита была непреклонной, разве могла она выпустить свое счастье куда-то в Ганновер? Генрих очень расстроился. Тогда я предложил ему переехать с Матильдой к нам на ферму, на его ферме пусть управляющий ведет дело. Шмидт оценил эту идею, но пожелал рядом с нами построить собственный дом.

Через полгода коттедж был готов и супруги Шмидт переехали в него жить. Видеть каждый день свое потомство для них было большим счастьем. Трогательно было наблюдать, как они ежедневно выгуливали в коляске своего правнука Ванюшу, которого они называли Ганц.

Наш Михаил с головой окунулся в механизацию фермы, он реализовывал свой собственный проект, который предусматривал автоматическую раздачу комбикормов в кормушку каждого животного. Данная модернизация производства существенно снижала его себестоимость. У Михаила была хватка делового человека. А мне уж было пятьдесят пять лет и я решил потихоньку отходить от дел. Сначала я назначил зятя исполняющим обязанности управляющего фермы, а спустя полгода и управляющим. Такое доверие его окрыляло. Дела на комплексе улучшались и это не мог не заметить старый Шмидт. Однажды он пришел к нам и предложил объединить его и наше хозяйства. То есть в Ганновере ферма Шмидт становилась филиалом нашей. Мы согласились. Так родственные связи перекинулись на деловые. Михаил стал генеральным директором мощной и процветающей фирмы.

Моя жизнь вошла в спокойное русло, Анна занималась переводами литературных произведений и технических текстов. Время от времени она устраивается в турфирмы гидом с целью совершенствования знаний по языкам.

У меня появилась масса свободного времени и мы с Маргаритой частенько отрывались от дома, проводя свои неограниченные отпуска в круизах и прочих путешествиях по миру. Как это интересно видеть каждый день что-то новое. Жаль только, что время летит так стремительно. Не успели оглянуться, как появилась еще парочка внуков. Инга родила дочку и Анна не отстала тоже внучкой нас осчастливила.

Родители мои давно умерли, но тянет меня, тянет на Родину.

Каждый год к сыну езжу. Ведь, казалось бы, в материальном плане все есть, живи да радуйся, проблем никаких нет. Но Родина есть Родина. Она все время напоминает о себе болью в сердце. Приеду, поживу в деревне месяца три и на душе станет легче. На родине я заряжаюсь бодростью, аккумулирую ее на целый год. Вот и сейчас еду на зарядку. Кто я? Русский? Немец? У меня двойное гражданство. Полная свобода передвижения и выбора места жительства. Все хорошо. Внуки уже выросли. Мы с Маргаритой счастливы счастьем своих детей и внуков. Увы, пришла пора завершать земные дела. Вот такая у меня сложилась жизнь. Если не считать кастрации, мне здорово в ней повезло. Конечно же, моя судьба не типичная. Я где-то делал не так, как требовал Сталин, возможно, меня осудят некоторые моралисты, но я совершал свои поступки, как подсказывала моя совесть. Жизнь ведь дается один раз. А что бы изменилось в мире, если бы я тогда сознательно погиб, погубив при этом своих товарищей? Да ровным счетом ничего, просто мы бы числились безвести пропавшими. Полное прозрение наступило у людей уже после войны, когда узнали сколько роковых ошибок совершил наш кормчий. Цена просчетов Сталина - это миллионы жизней советских людей. Так почему я должен был оплачивать жизнью грехи вождя? А для того, чтобы быть прямолинейным, бескомпромиссным, жестоким - много ума не надо. Вернее, его совсем не надо иметь, а сердца тем более.

Я считаю, что каждый человек должен творить добро, или по крайней мере, он должен стремиться к добрым делам. Если ты кого-то делаешь счастливым, счастье и к тебе возвращается. Это проверенный закон жизни. Злые люди, как правило, заканчивают плохо. Зло, которое они причиняют людям, рано или поздно возвращается и к ним.

Ну вот, Коленька, я рассказал тебе без утайки всю свою военную и послевоенную жизнь. Я боюсь, чтобы ты меня не понял превратно в том смысле, что я нашел свое счастье, благодаря войне. Мне просто больше в ней повезло. Моя судьба не типичная, а скорее всего исключительная. Повторяю - в герои я не рвался на этом свете, но очень хотелось жить.

В истории человечества не было таких кровопролитных войн, как Великая Отечественная. Двадцать семь миллионов жизней советских людей унесла она за четыре года. И только шесть миллионов погибло немцев, в основном это солдаты. У нас же большинство мирных жителей. Вообще, статистика склонна всегда занижать цифры.

Встреча с интересным человеком

- Извини, мне пора собираться, - засуетился мой попутчик. - А вот эти рюмочки я дарю тебе в залог того, что ты обязательно напишешь обо мне книжечку. Напишешь - обязательно пришли. Вот визитки. Я отблагодарю, Коля, за твой труд, не сомневайся... Хотелось бы еще поговорить с тобой о современной жизни, да нет времени, - быстро говорил Иван Иванович, складывая в чемодан свои вещи. - Вот непродуманные реформы доканали и наш колхоз «Путь к коммунизму». Теперь Николай организовал фермерское хозяйство. Посмотрим, что получится. Если разорится – поедem все жить в Германию на землю Северный Рейн-Вестфалия...

Машеньку с семьей я этим летом хочу забрать с собой. Она меня любит, как родного отца. Мы помогли ей выучиться на экономиста, сейчас она в Волгограде работает. Замужем. Двое детей. Тоже как бы мои внуки. Вот сколько у меня родственников и там, и здесь. Считаю, что жизнь прожита не зря, хотя мы были во время войны пленниками обстоятельств. «Едес зайн» - говорят немцы. Каждому свое... А вот и наша станция! - радостно воскликнул Иван Иванович.

Поезд остановился. В наше купе ввалился мужчина двухметрового роста.

- Знакомься, это мой сынок Коля, – представил мне второпях отец своего великана.

Пожав мне крепко руку, мой тезка схватил два огромных чемодана и пошел к выходу. Я помог вынести остальные вещи и выключил диктофон. Профессиональная привычка записывать собеседника на пленку здесь мне крепко помогла. Иван Иванович даже не заметил мой аппарат. Для видимости я делал в блокноте кое-какие пометки. Почему-то к бумаге у людей больше доверия. А записывающей техники многие почему-то боятся. Словом, весь рассказ попутчика был слово в слово записан на пленке.

Остановившись в одной из гостиниц Волгограда, я не стал долго тянуть с рассказом и принялся за дело под свежим впечатлением от услышанного.

Через две недели пара пробных экземпляра рассказа были готовы, но для заказа серии требовались деньги и я послал одну книгу Ивану Ивановичу с указанием суммы за публикацию. Вскоре деньги были им перечислены на требуемый счет типографии. А я получил благодарственное письмо моего нового друга. Он не ожидал такого скорого выполнения его заказа, был в восторге от книги и пригласил меня к себе в гости в Германию по осени.

Автор текста: Николай Бакалов
Дизайн и верстка: Шамова Александра

Подписано в печать 21.10.2010г.

Формат 60x90/16. Усл. печ. листов 4. Печать цифровая. Бумага SvetoCopy.
Гарнитура: Times New Roman. Тираж 100. Заказ № 3020.

ООО «Советская типография»
628240, г. Советский, ул. 50 лет Пионерии, 11 «В».
Тел.: 8 (34675) 3-18-02, тел./факс: 3-22-09

176802013

Государственная библиотека Югры

